

ВЫ ОСТАВИЛИ МЕНЯ ТВАРЯМ

ТОМ 2

Арон Родович

Вы оставили меня тварям II

«Автор»

2026

Родович А.

Вы оставили меня тварям II / А. Родович — «Автор», 2026

В мире Разломов слабым тоже находят применение. Просто об этом не пишут в объявлениях о наборе. Я думал, самое страшное — оказаться бесполезным. Ошибся. Теперь люди, которым раньше было плевать, жив я или нет, слишком настойчиво хотят знать, что со мной произошло. Одни предлагают защиту. Другие — деньги. И все почему-то спрашивают о моём отце. Он не вернулся из рейда шесть лет назад. Мне сказали, что слабые долго не живут. Я поверил. Но кое-кто очень не хочет, чтобы я узнал, как долго умирают сильные. Меня зовут Лёша Кубраков. Ещё недавно мне нечем было угрожать этим людям. Теперь есть. Только я пока не уверен, что оно на моей стороне.

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Арон Родович

Вы оставили меня тварям II

Глава 1

Кровавый шов

Я повернул ручку двери в ванную — и колени подогнулись раньше, чем успел разжать пальцы. Упал на линолеум прихожей. Правое плечо прилипло к майке; повязка съехала во сне, и край пулевой раны снова открылся. В горле стоял металлический привкус крови, смешанный с запахом гари со склада «Северного Меридиана». На часах было девять. К восьми я должен был прийти к Полине. Телефон лежал выключенным. Ночью мама уложила меня — и вот я снова лежал у неё под ногами.

Свет был выключен. Левой рукой я держался за ручку, пока металл не врезался в пальцы. Ещё дёрну — выломаю замок. Разжал ладонь сам и прижал её к мокрой майке на плече. Ночью с этой раной дошёл домой; сейчас хотел хотя бы встать без помощи мёртвых.

— Лёша? — Мать остановилась в кухонном проёме, полотенце свисало с руки.

Голос матери дрогнул. Она шла из кухни, шаркая тапочками по полу, и этот звук показался мне громче взрыва. Я попытался подняться, но руки предательски затряслись. Ладонь скользнула по ручке; я оставил её в покое, пока мама не подойдёт. Я видел мамины тапочки у порога, но головы поднять к её лицу не мог. Хмурый требовал встать, Глеб — замереть. От двух приказов я снова потянулся к ручке. Плечо отозвалось так, что пришлось прижать руку к животу и переждать: ещё одной попытки мама бы уже не позволила.

«Встать! Держать строй!» — орал Хмурый, требовательно и грубо, как прапорщик на плацу. Я упёрся затылком в стену, не позволяя приказу поднять меня. *«Замри. Слышишь шаги?»* — шептал Глеб. Он заставлял прислушиваться к лестнице, хотя мама была уже рядом. Я повернул голову к лестничной двери.

Я закричал. Тихо, сдавленно, чтобы не разбудить соседей. Боль ударила в правое плечо. Под съехавшей повязкой сочилась кровь. Она стекала по обожжённому предплечью к шине на кисти и капала на линолеум. Я подтянул правую руку к животу, чтобы не опереться на неё сдуру.

Мать включила свет, и я зажмурился: лампа ударила по глазам, будто прихожую качнуло вместе со мной. Когда сумел разлепить веки, мама всё ещё стояла в кухонном проёме. Она тянула полотенце за два конца, не замечая, как оно скрутилось у неё между пальцами. Взгляд опустился к моей майке, потом к линолеуму; губы дрогнули, а спросить она пока ничего не могла. Кровь. Много крови. Ночью она уложила меня в чистую постель, теперь снова нашла на полу. Я хотел хотя бы сказать, что это не новая рана. Попробовал поднять голову — и свет опять поплыл.

— Что... что случилось? — она бросилась ко мне, колени её ударились об пол рядом с моим плечом. Руки её были теплыми, пахли укропом и средством для мытья посуды. Укропом пахло и вчера, когда я пришёл домой. Я узнал этот запах и вцепился в него: кухня рядом, мама рядом, до склада отсюда далеко. — Лёша, посмотри на меня!

Я открыл глаза и попробовал смотреть на маму, как она просила. Лицо расплывалось. Зато на халате я различил капли собственной крови и захотел убрать руку, чтобы не испачкать её ещё сильнее. Убрать было некуда: под боком тоже натекло.

— Аптечку, — просипел я. Голос звучал чужим, сорванным. — Быстро.

Левой ладонью прижал мокрую майку к плечу.

Она не стала спорить. Мать метнулась к ванной, и я услышал, как звенят стеклянные баночки, как падают на пол ватные диски. Пока она отсутствовала, я уже не мог найти положение, в котором боль хоть немного отпускала. Правое плечо горело, а из памяти Глеба лезла его последняя боль. Мне казалось, что в грудную клетку входит пуля, что ребра трещат, что воздух становится тяжелым, как свинец. Хмурый же требовал движения, требовал, чтобы я встал и держал оборону, потому что враг уже здесь.

Попробовал выполнить приказ Хмурого: подтянул колено и начал вставать. Глеб тут же потребовал остановиться. Я сел обратно так резко, что голова ударилась о стену. Пульс бил в висках, край мамино полотенца пропадал в темноте перед глазами.

Мать вернулась. Она схватила меня за левую руку и потянула вверх. Старый порез отозвался под бинтом; я стиснул зубы и попытался помочь ногами, но поднять мой вес у неё не получилось.

— Я не могу стоять, — сказал я честно. Пришлось выговаривать через сглатывание: мама всё ещё держала меня за левую руку и ждала, что я оттолкнусь ногами. Если умру у неё под ногами, ей придётся разжать и эту ладонь.

Я попробовал опереться ступнёй и снова сполз по стене.

— Тогда ложись так, — приказала она. В её голосе появилась сталь, которую ночью уже слышал.

Она развернула меня на спину, аккуратно отводя окровавленную майку. Ткань прилипла к бинту. На плече под съехавшим бинтом краснел край пулевой раны. Шину на кисти она придержала ладонью, чтобы я не стукнул ею об пол.

Мать достала антисептик, убрала кровь вокруг раны и принялась снимать прилипший бинт. Когда ткань потянула кожу, я завыл. Голова закружилась; левой рукой я ухватился за её халат и тут же отпустил, пока пальцы не сомкнулись сильнее.

«Не дыши часто», — скомандовал Глеб. *«Не дёргай плечом. Контролируй ритм. Раз-два-три. Выдох.»* Я оставил локоть у живота: снайпер мог терпеть свои раны, а держать мою руку предстояло мне.

«Терпи! Мужчины терпят!» — рычал Хмурый. *«Вставай, пока они не пришли!»* Я прижал подошвы к полу; вставать пока не дал себе.

Я закрыл глаза. На следующем вдохе перестал тянуть майку и дал матери снять бинт. В ушах всё ещё грохотало, но теперь я слышал, как она просит повернуться. Выбрал подсказку Глеба: сначала дыхание. Хмурого, который требовал встать, заставил ждать.

Я начал дышать. Медленно. Глубоко. На вдохе четыре счета. Задержка два. Выдох шесть.

Руки матери продолжали работу. Она прижимала марлю к ране, но кровь пробивалась сквозь ткань, крася её в багровый цвет. Она плакала молча; горячие слёзы падали на мой живот. От каждого такого прикосновения хотелось сказать ей, что я выдержу. Но я не мог даже повернуться под марлей, и обещать, что всё хорошо, пока она держала меня на полу, было страшно.

— Почему ты один? — спросила она. Я слышал, как она ждёт ответа, и никак не мог набрать воздуха. — Кто тебя так? — Она плотнее прижала марлю к плечу.

Я хотел сказать: «Люди клана». Мама наклонилась ближе, ловя каждое слово; пальцы её так и оставались на марле у плеча. Язык заплетался. Пока выговаривал первое слово, увидел, как она перестала моргать, и струсил: сейчас получу ещё и её ужас, а своего девать было некуда. Вместо этого я сказал:

— Несчастный случай. На работе.

Я отвёл глаза к её коленям, чтобы не видеть, как она принимает ложь.

Она видела рану и знала, что обычной работой её не объяснить. Я всё равно цеплялся за эти два слова. Ещё вчера можно было рассказать ей про смену и усталость, уйти в комнату; сейчас мама держала марлю на пулевой дырке и ждала, что я ей скажу.

Сознание начало уплывать. Чернота по краям зрения сужалась. Я слышал, как мать тянется за телефоном. Люди «Северного Меридиана» могли прийти следом за бригадой. Если ночью успели узнать адрес... Я приоткрыл глаза, следя за её большим пальцем над экраном.

«Убей их всех», — прошептал Глеб. Я почти согласился: убрать тех, кто придёт, и мама будет в безопасности. От этого согласия стало страшнее, чем от боли. В памяти мелькнула чужая дверь и вооружённый человек за ней; Глеб ждал того же здесь. Мать держала телефон двумя руками. Я смотрел на неё, пока чужая дверь не исчезла. Я потянулся к её телефону, показал на кнопку отмены вызова. Про Полину сумел выговорить только имя; говорить дальше сейчас не хватало дыхания. У Глеба были враги за каждой дверью. Мама видела сына на полу и искала врача.

«Защищай маму», — возразил Хмурый. Его образ вспыхнул в памяти: он тащит детей из огня, его спина горит, но он не отпускает груз. Я смотрел на маму с телефоном и хотел, чтобы она могла вернуться на кухню, поставить чай, забыть мой крик. Ради этого я ещё мог спорить с ними обоими.

Я попытался сесть. Голова снова закружилась, тошнота подкатила к горлу.

— Лёша, не двигайся! — крикнула мать.

Она прижала меня ладонью к стене, не давая поднять локоть.

Под её ладонью я замер, стараясь сообразить, как удержать повязку самому. Если приедет скорая, меня понесут через подъезд мимо камер; потом спросят про пулю, подключат полицию и Реестр. Любое официальное вмешательство могло привести сюда тех, кого я ждал меньше всего.

Я посмотрел на свою руку. Повязка промокла у плеча; под шиной пальцы правой кисти оставались неподвижными. Нужно было удержать салфетку, пока мама приготовит бинт.левой ладонью я дотянулся до раны, но руки уже не хватало и на это, и на край майки.

— Веревка, — хрипло сказал я, прижав салфетку к плечу. — Из кухни. Или ремень.

Она посмотрела, куда я собираюсь его затянуть. Вместо жгута я хотел подвязать локоть к груди, чтобы рука не тянула рану своим весом. Объяснить сумел только со второй попытки.

Мать замерла, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Перехватила салфетку, убрала мою ладонь: сперва бинт, потом будем привязывать. Телефон остался у неё на колене.

— Лёша, нельзя! Можно потерять руку! — Она опустила передо мной, держась за аптечку.

— Нельзя потерять жизнь, — отрезал я. Голос Глеба дал ему четкость, а воля Хмурого — жесткость.

Я показал ей локоть: поддержать, не затянуть над раной.

Она побежала на кухню. Я остался один в освещённой прихожей, слушая, как капает кровь с края майки на линолеум. *Кап. Кап. Кап.* Звук метронома.

Между командами эх появились промежутки, и я успевал услышать своё дыхание. Чувствовал сердцебиение как толчок под ладонью. Пробовал замедлить его: у Глеба перед выстрелом получалось. Теперь очередь была за мной.

Я сделал это. Пульс стал реже, шум в висках отступил. Кровь перестала пробиваться из-под прижатой салфетки так быстро. Я не убрал её: пусть мама сначала закрепит бинт. Глеб держал ритм, Хмурый заставлял терпеть. А я наконец мог сказать матери целую фразу, не хватая воздух посреди слова.

Когда мать вернулась с ремнем от брюк и ножницами, она увидела, как я сижу, прислонившись спиной к стене. Я попытался попросить её сесть рядом, но сперва пришлось сглотнуть. Мама и без просьбы опустилась ко мне.

— Дай мне, — тихо сказала она.

Она поставила ножницы на пол и протянула ладони к бинту.

Я приподнял левой рукой правый локоть. Она закрепила свежую повязку на плече, из ремня сделала петлю, поддерживающую правую руку у груди. Шина осталась на месте. Боль была адской, но я не вскрикнул. Я считал вдохи. Когда мать отняла ладони, бинт не сполз.

Потом она проверила ожог на правом предплечье — след раскалённого фильтра. У края бинта присохла грязь. Мать сморщилась, убрала её мокрой салфеткой и закрыла обожжённую кожу. Ещё ночью её пальцы дрожали, сейчас делали ровно то, что нужно.

Наконец, она закончила. Руки её тряслись сильнее моих.

— Иди в ванную, — сказала она. — Помойся. Я поставлю чай.

Она подняла аптечку и отступила, освобождая место.

Я попытался встать. Ноги не слушались. Мир качался.

— Помогу, — она взяла меня под локоть. Мы медленно прошли в ванную. Белая плитка казалась стерильной, холодной; здесь было слишком светло для того, что я ещё держал в голове со склада. Я ждал, что привычная ванная поможет прийти в себя, и пока мог только держаться возле раковины.

Я включил воду. Тёплая струя ударила в кожу; вместе с грязью, кровью и пеплом уходило ощущение, что я всё ещё лежу в прихожей. Я подставлял левую ладонь, стараясь не плеснуть на повязку: эту мать только что закрепила.

Я смотрел в зеркало над раковиной.левой ладонью смыл кровь со щеки; плечо и шину оставил сухими. Чистую футболку мать положила на полку. Надеть её самому не получилось: рукав цеплялся за бинт, и мама придержала ткань, пока я продевал локоть.

Я наклонился к зеркалу, насколько позволяла петля. Зрачки расширились, а вокруг них вместо привычного карего проступало серебро. Сначала решил, что отражается лампа. Повернул лицо — оттенок остался. Эхо добралось и сюда; теперь мама увидит его без всяких объяснений.

Мать взяла полотенце с полки. Она остановилась, увидев мои глаза.

— Лёша? — Она остановила полотенце у моей щеки.

Она отступила к дверному косяку. Полотенце осталось у неё в руке, а глаза — на моём отражении. Я повернулся к ней, оставив плечо в петле: пусть увидит, что это всё ещё я, хоть радужка и чужая.

Я понял, что должен объяснить это. Прямо сейчас. Она держала полотенце так, что побелели пальцы. Повернул к ней лицо, не пряча глаза.

— Это от них, — сказал я. Собственный спокойный голос раздражал: мама испугана, а я говорю так, будто объясняю чужую поломку. Глеб держал дыхание ровным. — Я стал сильнее. А за это приходится платить. Глаза теперь такие.

Я опёрся левой ладонью о раковину, чтобы она увидела: стою сам.

— Чем платить? — прошептала она.

Она опустила полотенце, зажав его между пальцами.

— С собой, мам. Берёшь у них силу, а потом слышишь их даже здесь. Я с тобой говорю, а они тоже лезут.

Я повернул голову к зеркалу: серебристая радужка смотрела в ответ.

Она долго смотрела на меня. Потом подошла, вытерла мне лицо полотенцем. Я закрыл глаза от её руки. У раковины всё ещё стоял её сын; только вытирать его теперь приходилось осторожнее.

— Идем пить чай.

Она придержала меня за левый локоть, выше старой повязки, и повернула к двери.

Мы сидели на кухне. Я ждал, что мама снова спросит про глаза. Она смотрела в тарелку, и заговорить первым я не решался. До чая мы так и не добрались; он остывал между нами. Я ел холодный борщ, который мать грела утром, и он показался мне самым вкусным блюдом в

мире. Картошку раздавил языком — жевать пока не хватало сил. Потом сумел и хлеб. Мама дождалась, пока проглочу, и только тогда отпустила тарелку, которую держала у моего локтя.

«Ешь быстрее», — буркнул Хмурый. *«Завтра будем таскать тяжести.»* Я протолкнул ложку через картошку, но ко рту понёс сам, медленно.

«Жуй спокойно. Ты будешь спать сегодня», — парировал Глеб. Я отложил ложку и пережевывал то, что набрал.

С хлебом пришлось повозиться дольше. Я дожевывал, прежде чем снова взяться за ложку: после прихоей даже это хотелось сделать самому.

Мать сидела напротив. Сцепила пальцы на столе, потом разомкнула: на большом остался красный след от бинта. Смотрела, как я беру ложку. Когда ручка начала поддаваться, подвинулась ближе, словно снова собиралась придержать мою руку.

— Как ты?... — начала она и замолчала.

Мама разомкнула руки на столе, потянулась к шине и провела пальцем вдоль крепления. Я ждал, что спросит про боль. Она смотрела выше, на моё лицо, словно там тоже полагалась повязка, а она забыла её наложить.

— Лучше, — ответил я.

Я подвинул к ней хлеб.

Я поднял ложку левой рукой. Правая лежала на коленях, кисть в шине, плечо под новой повязкой. Пальцы рабочей руки сомкнулись вокруг ручки ложки — слишком крепко. Металл начал поддаваться. Ослабил нажим, зачерпнул ещё раз. Ложка дошла до рта целой. Я чувствовал металл, его температуру, его вес; теперь надо было научиться отпускать его вовремя.

Я посмотрел на свои пальцы. Костяшки сбиты, кожа грубая. Разжал их, оставив ложку лежать на ладони, потом взял снова. Хмурый мог удержать тяжёлый ящик; мне требовалось удержать столовый прибор и не раздавить его.

— Лёша, — позвала мать.

Она остановила ложку двумя пальцами за ручку.

Я поднял глаза.

— Ты стал другим.

Мать отвела пальцы от ложки, оставив её мне, но руку не убрала: ладонь лежала раскрытой рядом с моей тарелкой. Я смотрел на неё. Если опять согну ручку, она увидит; если отодвину её руку — тоже. Стало стыдно за то, что я уже выбирал между этими двумя вещами.

Мать задержала взгляд на моей раскрытой ладони. Я не поторопил её со следующим вопросом.

— Да, — согласился я. — Я стал другим.

Я положил ложку на стол, разжав ладонь перед ней. Борщ остался недоеденным. На несколько вдохов оба эха попали в один ритм; вместо спора я услышал общее требование подняться и идти. Обоим хватило передышки, а мне ещё предстояло ответить матери.

— Кто эти люди? — спросила мать. Голос её дрогнул, но в нём появилась твердость. — Те, кто тебя так? — Она отодвинула кружку, освободив место между нами.

Я задумался. Ответить «клан Северный Меридиан»? Сказать правду?

— Это бизнес, мама, — сказал я осторожно. — Плохой бизнес. Но я найду способ закрыть сделку.

Я положил левую ладонь рядом с её рукой, пока не касаясь.

Она кивнула и посмотрела на мою ложку, оставленную возле тарелки. Пальцами подтянула к себе пустую кружку. Допрашивать дальше не стала; я дождался, пока она поставит кружку на край подноса, и только тогда убрал руку со стола.

— Я пойду к соседке, — сказала она внезапно. — Мне нужно... свежий воздух. А ты оставайся. Не открывай дверь никому. Даже если будут звонить в звонок. Даже если будут называться полицией. Проверь глазок.

Она поднялась, взяла ключи и сжала в ладони.

Она забрала тарелки. С посудой справлялась уверенно, и я следил за её руками, ожидая, что она остановится и снова спросит про тех, кто меня ранил. Посуду убрала молча. Она уходила, оставляя меня одного. Хмурый торопил к двери, Глеб — к окну. Я дождался, пока мама уберёт посуду: без адреса оба могли вести меня хоть всю ночь.

Я встал из-за стола. Ноги держали твердо. Голова ясная. Я подошел к окну кухни и выглянул наружу. За окном тянулось серое утро. На пустынной улице жёлтые фонари ещё освещали мокрый асфальт, и от этой пустоты я не успокоился: любой, кто выйдет из подъезда, окажется на виду. Я искал глазами, кому отсюда виден наш вход.

И тогда я увидел машину. Черный внедорожник с тонированными стеклами. Он стоял на углу, далеко от нашего подъезда, и я отступил сбоку от окна. Эхо Глеба дало мне возможность видеть дальше, чем позволял обычный человеческий глаз. Я различал два силуэта; лиц за тёмным стеклом не видел. Один повернулся к дому.

Глава 2

Может, они искали меня. Я закрыл штору со стороны маминого стула и запомнил место у угла: выходить через подъезд сегодня не стану.

Моя левая рука легла на стекло. От холода захотелось отдернуть пальцы, но движение могли заметить с улицы. Сжал зубы, удерживая ладонь раскрытой. Если машина была их, они не должны увидеть, как я выглядываю из собственной кухни.

Я развернулся от окна. С тем, что у меня было, к машине выходить нечего. Прежде чем искать оружие, следовало узнать, куда идти и где можно добраться до Ратмана, а не попасться его людям у собственного подъезда.

Флешка Хмурого лежала под дощечкой в моей комнате. Я вспомнил о ней, но сперва хотел спросить мать: она каждый день ходила мимо магазина, где я теперь даже остановиться боялся.

— Мама, — крикнул я в сторону прихожей, где она надевала пальто. — Есть ли новости о районе? Может, видели странные машины?

Она обернулась. По тому, как задержала взгляд на мне, я понял: вопрос про машины её тоже насторожил. Хотелось добавить, что спрашиваю просто так, но после утра в прихожей она бы не поверила.

— Видела одну такую вчера, — ответила она. — Возле магазина «Продукты 24». Люди в масках выгружали какие-то ящики. А потом эта машина уехала. Ратман, кажется, говорили... или нет, я не расслышала точно.

Она подтянула ворот пальто и обернулась к шторе.

На имени Ратмана я перестал слушать про машину. Глеб узнал своего убийцу раньше, чем я успел связать магазин с капитаном со склада. Пришлось дослушать маму: она сама сказала, что могла ошибиться.

Сердцебиение участилось. Я удержал выдох: имя уже было, теперь нужен адрес.

— Хорошо, — сказал я. — Спасибо.

Я отошёл от окна, освобождая ей дорогу.

Она вышла, хлопнув дверью. Я остался один в квартире. У входа лежало полотенце с моей кровью; на кухне стояла мамина недопитая кружка. Одному я снова полезу вслепую. Дима возил посылки по району; с его помощью можно было хотя бы понять, где искать Ратмана. До его людей следовало добраться раньше, чем они постучат сюда.

Я сел за стол, достал блокнот и ручку.левой рукой я выводил схему района по памяти Хмурого. На маршрутах патрулей задерживал ручку: туда сегодня соваться нельзя. Рядом отмечал слепые зоны камер и места, где можно купить еду и лекарства без вопросов. Теперь надо было связать эти отметки с дорогой до Димы. Я включил свой телефон левой рукой и задержался на пропущенном вызове Полины: «Ты где?» Отвечать хотелось, что дома и всё нормально. Ниже осталось ночное сообщение о запросе Ратмана на адрес матери. Елена Кубракова — я перечитал имя, как будто капитан мог спрашивать про какую-то другую женщину. За запертой дверью мама только что ушла по своим делам, ничего об этом не зная. Позвонил Полине. Рассказал, что случилось с повязкой; скрыть это сейчас значило бы завтра снова объяснять, почему не пришёл. Договорились о следующем утре. До того, если станет хуже, вызываю бригаду и сообщаю ей — я дослушал это условие и согласился, прежде чем закончить звонок. После разговора сфотографировал окно закрытой папки RATMAN_PERSONAL на HMUR_09. Флешку убрал обратно под дощечку. К Диме понесу запрос пароля, а не единственный носитель.

Хмурый и Глеб теперь говорили тише. Между их подсказками я успевал закончить линию на схеме: ещё недавно ручку приходилось задерживать, пока оба спорили, куда мне идти. Я

довёл маршрут до пункта выдачи и проверил, не пропустил ли камеру. Никто не требовал переделывать. Можно наконец выбрать самому и не ждать, какое чужое воспоминание перебьёт моё решение.

«Работаем», — сказал я вслух. Я обвёл на схеме пункт выдачи и прижал лист к столу.

Курьер и тени

К вечеру я надел куртку поверх повязок и спустился в подвал. В темноте плесень и мокрая штукатурка отдавали чем-то сладковатым, гнилым. Я дышал неглубоко, чтобы запах не добрался до горла: сил и без того едва хватало на люк. Я приладил левую ладонь к холодному рычагу технического люка. Давить надо было так, чтобы он открылся, а я не съехал следом. Упёрся коленом в раму. Правым плечом помогать нельзя; кисть в шине тоже пришлось оставить при себе, хотя так и тянуло ухватиться ею за край. Хмурый требовал проверить замки, Глеб шептал, что шум привлекает внимание.

— Заткнитесь оба, — прошептал я вслух, хотя никто не мог меня услышать сквозь гул вентиляции.

Я убрал палец с края рычага, где металл начинал резать кожу.

Я нажал на рычаг. Рычаг поддался, и люк начал открываться. Я задержал нажим, прислушался: скрежета не было. Наверху этот звук услышали бы, а объяснить, зачем я лезу через технический люк, нечем. Выдохнул, не снимая колена с рамы. Хмурый требовал толкнуть сильнее. Я уже чувствовал, что металл идёт, и давить ещё было незачем — только выломаю замок. Глеб торопил скользнуть дальше, но без упора я сейчас съехал бы вниз. Пришлось удерживать вес на месте, пока появится проход. Я оставил колено в раме, пока люк не открылся настолько, чтобы пройти. Только потом перенёс вес: теперь подсказки обоих пригодились, и выбирать между ними вслепую не пришлось.

Из подвала я вышел в серый туман ночного города. После сырой темноты он казался почти светлым; хотелось поверить, что теперь меня тоже плохо видно. Камеры наблюдения висели над подъездами. Я сверял их со схемой: туман скрывал улицу, но рассчитывать на него перед объективом было глупо. Я натянул капюшон до бровей, закрыл лицо шарфом, оставив только прорезь для глаз. Движения стали вязкими, будто я двигался через мед. При движении тянуло старую левую рану, справа под свежими бинтами горел ожог, а шина цеплялась за одежду. Я соразмерял шаг с болью: ускорюсь — придётся остановиться посреди улицы и поправлять повязки под камерой.

До пункта выдачи заказов на окраине района идти три квартала. Обычно я обходил их стороной, избегая встреч с людьми, которые могли запомнить моё лицо. Сегодня всё равно пришлось идти к Диме. Я выбирал дорогу подальше от камер, хотя ноги просили срезать: добраться до друга и привести следом клан было бы особенно паршиво.

Тусклая лампа дневного света выделяла пункт выдачи из тумана, и я держал его в поле зрения: наконец дошёл. Внутри пахло картоном и дешёвым кофе из автомата. Такой обычный запах; я шёл сюда с ранами под курткой, а Дима всё ещё выдавал людям посылки. За стойкой Дима сканировал штрих-коды. Пока он не поднял голову, я мог смотреть на него, не объясняя, зачем пришёл. Потёртая курьерская сумка, туго перетянутые шнурки — узнал всё, вплоть до усталого взгляда на очередную посылку. Артемьев Дмитрий, друг детства, всё так же считал каждую копейку на ипотеку. Я знал, что он скажет про эту работу, если спросить, как дела. Только пришёл просить о совсем другом, и от этого труднее было пройти последние шаги к стойке. На секунду я захотел подойти к стойке как раньше, без Ратмана и без чужих голосов в голове. Но под курткой тянули повязки, и просто поболтать я уже не мог.

Я вошел, тихо звякнув дверным колокольчиком. Дима поднял голову. Он узнал меня, а я уже ждал своего имени. Дима вместо этого посмотрел на руки в карманах, задержался на повязках под манжетами. Я старался стоять прямо, но спрятать раны таким способом не получалось. По его лицу стало ясно, что он сейчас спросит вовсе не «как дела». Мне хотелось объясниться раньше этого вопроса, и я всё равно дал ему заговорить первым.

— Леха? — он оглянулся на камеру в углу, понизив голос до шипения. — Ты чего тут? Тебя же... там... по всем каналам крутят. «Опасный элемент», «убийца рейдеров». Я думал, ты сдох.

Пока перечислял, ладонью прикрыл сканер на стойке — от меня, как от человека, который мог сейчас его забрать. Я увидел знакомые пальцы на приборе и не стал ни улыбаться, ни уверять его, что всё в порядке. Под манжетой торчала повязка. Он смотрел на неё чаще, чем на моё лицо.

— Почти, — ответил я, подходя ближе. — Мне нужно знать, где Ратман.

Дима отшатнулся, ударившись спиной о стеллаж с коробками. — Ты совсем ебанутый? О каком Ратмане речь? Это капитан «Северного Меридиана». В-ранг. Если они узнают, что я с тобой разговариваю, они мне сначала пальцы переломают, потом квартиру сожгут. У меня кредит!

— Кредит можно реструктурировать, — сказал я спокойно. — Жизнь нет.

Я остановился у торца стойки, оставив ему проход в подсобку.

В этот момент с верхней полки сорвалась коробка с хрупким товаром — набор фарфоровых чашек. Дима задел стеллаж спиной; верхняя коробка поползла по наклонённой соседней. Падала прямо на голову клиенту позади меня. Я увидел её край в стекле витрины, повернулся и выставил левую ладонь. Коробка ударила в неё; я подогнул локоть к боку, принял вес, не потянув больное плечо. Внутри звякнул фарфор. Поставил на стол и разжал пальцы. Картон остался цел, клиент отступил, прикрывая затылок, хотя опасность уже лежала на стойке.

Клиент ахнул, прижал ладонь к затылку. По стойке ещё прокатился звон фарфора внутри коробки. Дима потянулся проверить картон, остановился на полпути и посмотрел на мою ладонь. Пальцы оставались раскрытыми; коробку я уже отпустил.

— Что это было? — выдохнул он.

Он наклонился над коробкой, проверяя картон.

— Рефлекс, — соврал я. — Глеб научил видеть траекторию. Хмурый дал силу пальцев. Успел увидеть — успел поймать. Сам бы я так не смог.

Я разжал ладонь над коробкой, показывая пальцы, которыми удержал вес.

Дима побледнел ещё сильнее. Он понял, что я говорю о мертвых. — Ты... ты слышишь их? В голове? — Он отступил, прижав курьерскую сумку к животу.

— Они кричат, — признался я. — Каждый хочет своего. Но если я им дам цель, они затихнут. Мне нужна твоя помощь, Дим. Не деньгами. Информацией. Где Ратман бывает вне службы? Где он пьёт? Где он спит? — Я упёрся ладонью в стол и наклонился к нему, чтобы клиент не слышал имён.

— Я не знаю! — Дима начал нервничать, его взгляд метнулся к выходу. — Я просто курьер! Я вожу посылки! Мне нужна стабильность, Леха! Стабильность! А ты приносишь хаос!

Он попытался уйти за стойку, но я шагнул вперед. Сократил дистанцию, отрезав дорогу за стойку. Положил левую ладонь ему на плечо.

Дима замер. Под моей ладонью его плечо стало каменным; я чувствовал напряжение даже через куртку. Чтобы удержать его, мне хватало того нажима, с которого начал. Стоило ему потянуться прочь, как хват возвращал плечо на место. Я мог ослабить пальцы, но продолжал *держаться*. Железная хватка Хмурого работала в режиме блокировки: Дима попробовал дернуться — я удержал его. Попробовал вывернуться — я не дал ему уйти из-под ладони.

Большой палец лежал у шва куртки. Я чувствовал, как ткань натягивается, и оставлял нажим прежним. Ему нужен был выход. Мне — Ратман.

— Отпусти, — прошептал он. От этого шёпота я на миг перестал думать о Ратмане. Дима смотрел на меня так, будто уже ждёт боли и не знает, чем её отсрочить. Моё имя он даже не произнёс. — Пожалуйста.

Он поднял ладони к моей руке, но не решился отрывать пальцы от плеча.

— Я не делаю тебе больно, — сказал я, глядя ему прямо в зрачки. — Я показываю тебе цену безопасности. Она стоит дорого. Но она есть. Скажи мне, где Ратман, и я отпущу тебя. И я буду рядом, если кто-то из «Меридиана» решит, что ты слишком много знаешь.

Я удержал ладонь у шва куртки, не прибавляя нажим, когда он потянулся прочь.

Защищать его от «Меридиана» я ещё не пробовал. Обещание уже дал, и Дима смотрел мне в глаза, ждал, дрогну ли я. Эхо Глеба помогло выдержать этот взгляд. Произнести спокойно оказалось легче, чем отпустить плечо; я это запомнил.

Дверь пункта выдачи открылась, и я отвлёкся от Димы на двоих высоких мужчин в чёрных плащах. На эмблеме волчий след пересекал компас; до лиц я уже не добрался взглядом, узнав «Северный Меридиан». На поясах висели энергетические клинки в защитных кожах. Пока приглушённые. Я знал, зачем патруль заходит в такие пункты: проверить, нет ли среди обычных клиентов нелегального носителя ауры. Сейчас я сам стоял у стойки.

Сердце у меня пропустило удар. Эхо Глеба заорало: *«Убить!»* Эхо Хмурого: *«Защитить груз!»* Грузом был Дима.

Я мгновенно отпустил плечо друга и отвернулся, делая вид, что рассматриваю витрину с аксессуарами. Капюшон сполз ниже, закрывая лицо. От витрины отражался свет; я видел в стекле чёрные плащи и следил, не повернут ли к моему отражению головы. Капюшон скрывал лицо, но стоило кому-нибудь подойти — прятаться стало бы негде.

Патрульные подошли к стойке. Их аура давила на кожу, как статическое электричество перед грозой. Один из них достал портативный сканер биометрии.

— Проверка, — первый поставил сканер на стойку и развернул экран к залу. — Документы всех присутствующих. И скан ауры.

Дима вздрогнул. Его лицо стало белым как бумага, и мне захотелось, чтобы он смотрел на сканер, а не на меня. На таком лице легко прочесть, что мы чего-то ждём. Если прибор зафиксирует мою аномалию или патрульным просто что-нибудь покажется, придётся драться здесь, у стойки. Рядом клиент, продавец, сам Дима. Я не мог сейчас дать Глебу выбрать цель и перестать замечать остальных.

— У вас есть разрешение на досмотр частных лиц в коммерческой зоне? — продавец вышел из подсобки и остановился у журнала проверок. Сканер заслонил край стойки; он подвинул журнал к себе, ожидая бумагу.

— Мы частники, ребята, нам нельзя отказывать, — второй патрульный наклонил планшет к продавцу. Первый поднял сканер, наводя его вдоль стойки.

Я видел Диму у той же полосы света: между нами и служебной дверью.

Патрульные спорили с продавцом над журналом. Дима стоял свободно: моя ладонь давно была убрана, и он мог молчать, ждать своей проверки. Вместо этого он посмотрел на меня у витрины, потом резко повернулся к одному из патрульных. — Эй! — крикнул он грубо, указывая пальцем на нагрудный знак. — Вы мне доставку задержали на два часа! Из-за вашей проверки я опоздал на пункт, и мне теперь штраф впишут! Куда это смотрит ваше начальство?!

Дима бил по своему: задержка, накладная, штраф. Утром он проглотил бы ответ и побежал дальше. Сейчас стоял перед вооружённым патрульным и требовал деньги, пока я искал выход. Я слушал, не поворачиваясь от витрины. Слишком хорошо помнил его плечо под своей ладонью, чтобы принять этот крик за привычную склоку курьера. Он не был обязан оставлять мне проход — и всё-таки стоял между мной и людьми со сканером. Патрульный нахмурился,

его внимание переключилось со сканера на истеричного гражданина. — Сядьте, гражданин. Сейчас будет проверка документов.

Патрульный выставил ладонь перед грудью Димы, оттесняя его к стойке.

— Мои документы в порядке! — продолжал орать Дима, загораживая собой пространство между мной и входом. — Почему вы не проверяете тех, кто реально опасен? А не тех, кто вам зарплату приносит?

Под шумок Димы я отступал к служебному выходу. «Пульс» удержал дыхание ровным; я дождался, когда патрульный повернёт сканер к кричащему курьеру, и прошёл за торцом стеллажа. Выход был за Димой — сначала надо миновать его, потом створку, которую он заслонял от патрульного плечом. Друг меня не подталкивал. Сам шагнул так, что я получил проход.

Когда патрульный потерял терпение и положил руку на рукоять клинка, чтобы уgomонить Диму, я уже был в подсобке. Прижал дверь, не дав хлопнуть; боковой выход вёл во двор. После тепла подсобки я вдохнул слишком жадно; холод обжёг лёгкие. Хотелось уйти ещё дальше от двери, но за спиной Дима всё ещё кричал. Теперь я различал слова: он требовал бумагу о задержке. Я остановился за гаражом напротив: если уведут его, далеко они от меня не уйдут.

Через десять минут я вернулся. Патруль ушёл; Дима остался с протоколом о «нарушении общественного порядка». Боковую дверь успели запереть. Подошёл к окну кладовой на первом этаже, приоткрытому для проветривания. Под ним стоял поддон. Встал на него, перекинул левую ногу через низкий подоконник, придерживаясь рабочей ладонью за раму. Правую руку держал у груди. Внутри поставил ногу на коробку и только потом спустился на пол.

Я зашел внутрь, когда Дима как раз закрывал жалюзи. Он обернулся, увидев меня, и чуть не упал. — Ты... ты живой? — прошептал он. — Они уходили. Я думал, ты сбежал.

— Я ждал, пока они успокоятся, — сказал я. — Ты хорошо играл роль дурака.

Я остановился у его стула, оставив окно за спиной.

Дима тяжело дышал, вытирая пот со лба. Он посмотрел сначала на мою руку, потом на лицо. Я ждал обычного «Лёха, ты совсем?» — он всегда находил, что сказать. Теперь молчал, будто заново решал, можно ли со мной оставаться в одной комнате. Я не стал приближаться.

— Чего ты хочешь? — спросил он, садясь на стул. Руки его все еще дрожали.

— Где Ратман проводит выходные? — повторил я вопрос.

Я положил ладонь на стойку; до Димы теперь не дотягивался. Он заметил расстояние. Перестал смотреть на мои пальцы и поднял глаза, а я оставил руку там, где положил. Вчера мог бы ткнуть его кулаком в плечо: очнись, Дим, я же. После сегодняшнего захвата так возвращаться к разговору было нельзя.

Дима задумался. Я дал ему время: он таскал заказы по этому району, пока я даже не различал вывески соседних клубов. За чаевыми, дорогими машинами у входа, чужими распоряжениями для курьера наверняка стояло что-то полезное. Только вытащить это из его памяти силой я уже не хотел. — Есть место... — начал он осторожно. — Клуб «Неон». Там VIP-ложа часто занята. Ратман любит вино и громкую музыку. По пятницам и субботам он там. Всегда. Охрана своя, внутренняя. Сканеры ауры на входе.

Он вытащил накладную из сумки, перевернул чистой стороной вверх.

Клуб «Неон». Я посмотрел на чистую сторону накладной, которую Дима разложил между нами. На складе капитан прятался за бронёй и людьми; в ложе придётся хотя бы поднять бокал и открыть лицо. Теперь я знал, где искать.

— Спасибо, Дим, — я подвинул накладную на стойке, чтобы она не свалилась к ногам. Схему Дима ещё держал у себя.

— Не благодари, — он махнул рукой. — Ты должен мне. За риск. За то, что я мог сесть вместе с тобой.

Он полез в ящик под столом и достал старый, выдавший виды телефон Nokia с потертыми. Протокол лежал возле ящика. Я увидел сумму штрафа, положил палец на строку. «Я

возмещу». Дима сложил бумагу, убрал во внутренний карман. Денег я ему сейчас не дал; обещание он забрал вместе со штрафом. Это отдельно от долга за риск. — Держи. Предоплата. Без привязки к паспорту. Купил на барахолке, когда искал запасной для работы. Геолокации нет, камеры нет. Только звонки и SMS. Если будешь пользоваться симками, которые я найду, будет труднее связать звонки с твоим обычным номером.

Дима протянул аппарат через стойку, придерживая пальцем кнопку питания.

Я взял телефон левой рукой. Аппарат ощутимо оттягивал ладонь. Я нажал кнопку большим пальцем: сухой щелчок, можно понять на ощупь, попал или нет. С такими кнопками легче было справиться дрожащей рукой, чем со своим гладким экраном. Проверил, не зажал соседнюю, и стал слушать Диму спокойнее. Дима включил экран и показал свой номер. Я пролистал сам, пока не нашёл нужную запись; он стоял рядом, не забирая аппарат, хотя с первого раза у меня не вышло. Тогда я достал свой телефон и переслал снимок окна RATMAN_PERSONAL. Дима поднёс экран ближе. — Пароль не угадывай. Знакомый раньше возил для капитана. Спрошу. Ничего не обещаю. Мне хотелось сразу узнать, когда он спросит, но Дима уже увидел название папки. Снимок у него есть; давить ещё и здесь я не стал. Убрал свой телефон. До Димы теперь можно дозвониться, не открывая обычный мессенджер со всеми нашими именами.

— А это, — Дима протянул мне сложенный листок бумаги. — Схема. Я сам рисовал, когда возил туда заказы для администраторов. Слепая зона под вывеской слева. Камера не видит угол у пожарной лестницы. Если войдешь оттуда, минуешь главный фейсконтроль.

Я развернул схему. Линии были аккуратные; возле камер Дима разметил углы обзора, а пути эвакуации охраны провёл так, что я мог проследить каждый до выхода. Лист хотелось поднести ближе к свету и рассмотреть, но сначала я слушал друга. Провёл пальцем по пожарной лестнице и задержался у двери, чтобы Дима видел: понял, откуда заходить. На схеме можно было дойти до вражеского логова, даже ни разу не побывав у клуба. Я проследил линию ещё раз: Дима рисовал её по своим доставкам, пока я искал дорогу в чужих воспоминаниях. Он возил заказы, запоминал двери — теперь это давало мне вход к капитану. Я привык брать у мёртвых то, что они уже не могли мне запретить. Дима стоял напротив и ещё мог забрать лист; я держал его за угол, не складывая, пока друг не договорит.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил я, глядя ему в глаза.

Я поднял схему между нами, чтобы он видел, что я уже получил.

Дима усмехнулся. Я ждал привычной шутки про мой долг, но он посмотрел на руки, и мне пришлось дослушать ответ, не прячась за улыбкой. — Потому что я увидел твои руки, Леха. И понял, что мир изменился. Старые правила больше не работают. Кто-то должен остаться нормальным, даже если вокруг монстры. И я не хочу быть тем, кто прячется под кроватью, когда монстр уходит.

Он стянул ремень сумки с плеча, положил её на стул: уходить больше не собирался.

Мы молчали минуту. Дима поставил сумку под стул, я держал телефон и схему на ладони. Телефон придавил край листа; я поправил схему большим пальцем, чтобы не уронить. За несколько минут Дима отдал мне больше, чем я выжал из него захватом плеча. И всё ещё сидел рядом, хотя мог выставить меня вместе с патрульными. В углу красным горела камера; ни один из нас больше на неё не смотрел.

— Верни телефон, когда закончишь, — сказал Дима. — И не умирай. Мне будет сложно объяснить, почему твой друг пропал сразу после встречи со мной.

Он постучал ногтем по корпусу телефона у меня в руке.

Я кивнул, спрятал телефон и схему во внутренний карман куртки. — Завтра будет жарко, Дим.

Я застегнул карман над схемой.

— Тогда постарайся не сгореть, — он снова взялся за сканер штрих-кодов, делая вид, что работает. Но я заметил, как его пальцы все еще мелко трясутся.

Выходя из пункта выдачи, я почувствовал, как внутри головы голоса затихли. Хмурый ещё держал в памяти Диму под моей ладонью. Глеб повторял путь к служебной двери. Адрес и схема теперь лежали у меня в кармане. Дима остался со штрафом; я вспомнил, как он убрал протокол, услышав «возмещу». Он поверил обещанию, а платить ещё предстояло. И вернуться, если за ним придут, — это тоже уже нельзя будет отменить, сославшись на свой страх.

Я развернул схему у фонаря. Пожарная лестница уходила к боковой двери клуба. Дима начертил её уверенно, а рядом поставил вопросительный знак: что ждёт за дверью, курьер не видел. Хотел сложить лист по прежним сгибам, но задержался на вопросительном знаке. До двери Дима довёл меня на бумаге, а дальше придётся идти самому. Под курткой оставались те же повязки. Хват уже сработал на коробке и на плече друга; прежде чем идти к капитану, надо понять, смогу ли я отпустить руку тогда, когда решу.

На улице завывла клановая сирена. Я ещё держал схему под фонарём и поспешил сложить её: после проверки в пункте выдачи такой звук хотелось услышать подальше от него. Район начали прочёсывать, и я не мог знать, ищут ли именно меня. Может, сканер всё-таки поймал остаточный след ауры. Или один из патрульных вспомнил клиента в капюшоне, который исчез, пока спорили с курьером. Дима остался там; вести поиск обратно к его стойке я не собирался.

Глава 3

Я натянул шарф плотнее и свернул в переулок, где не было камер. Сгиб карты клуба «Неон» упирался в грудь через подкладку. Я придержал карман: пусть бумага мнётся, только бы осталась при мне. Дима отметил, где вход; потеряй бумагу, и опять придётся спрашивать его обо всём. Он уже помог. Дальше идти мне, и карту я сейчас не выпущу, хоть сгиб порядком надоел. Но стоило сирене стать громче, как я снова слушал выезды из переулка, а не думал о капитане. «Сначала дойди», — сказал себе. До клуба ещё успею придумать, как войти.

Домой — пока есть время разобраться с рукой без Ратмана перед собой. На стуле можно промахнуться и начать заново. «Ещё раз» здесь скажу я, а капитан за мою ошибку просто убьёт. И даже перед этим стулом мне пока придётся разбираться, чей приказ я выполняю: сам решил ударить или Хмурый уже толкнул руку. Я ускорил шаг, не выходя из переулка. Ратмана пока здесь нет, можно дойти без чужого приказа в голове. Вот и дойди, Лёша, не начинай драться с Ратманом прямо в переулке, где его нет. Карту Дима дал, а разжимать мои пальцы завтра ему не придётся — самому выбираться из клуба.

Танец двух мертвецов

В квартире я прислушался: сейчас бы чайник услышать, маму на кухне, хотя бы тарелки. После сирены за спиной собственная дверь казалась спасением, а я всё ещё стоял и слушал, вместо того чтобы пройти к себе. Хотелось, чтобы за дверью меня встретили запах борща и свежесть после уборки. Посидеть бы дома, не прислушиваясь, кто идёт по лестнице. В переулке сирена всё время возвращала меня к улице; дома хотелось наконец перестать ждать её за спиной. Раньше такая тишина радовала бы: можно побыть одному, пока мама не вернулась. Теперь я не знал, сколько она ещё продлится, и в пустых комнатах было труднее отвлечься от голосов. Мать ещё не вернулась от соседки, оставив входную дверь запертой. Я знал: если придут люди Ратмана или те, кто искал Хмурого, они не станут звонить в звонок. Войдут — и вся моя тренировка окажется проверкой на живых людях. На замок я бы не рассчитывал: если не откроют, могут взорвать его. Я прислушался ещё раз, прежде чем идти в гостиную. Сейчас в комнатах больше никого не было, а у себя в голове я слышал двоих. Они скреблись, словно крысы в канализации: стоило прислушаться к одному, второй перебивал и тащил внимание к себе. Дома хотелось хотя бы ненадолго остаться без этого скрежета.

Я стоял посреди гостиной, босиком, в растянутой футболке. Я смотрел на старый деревянный стул, обмотанный подушками из дивана; поверх них лежало пальто отца. Мишень вышла жалкой, почти комичной. Удержать бы её целой, а не объяснять потом маме, зачем я разнёс ещё и стул. Здесь я мог проверить, сумею ли сам остановить руку, и не рисковать при этом человеком перед собой. Раньше я бил наугад, от страха, от боли. Теперь мне нужно было бить точно. И тихо.

«Бей!» — прорычал голос Ильи Хмурого. Я едва не подался вперёд, подчиняясь его голосу: Хмурый так командовал грузчиками и рейдерами, не оставляя времени спорить. Я смотрел на собственные руки, а Хмурый уже подставлял вместо них каменные блоки. Его удару не полагалось останавливаться на подушке. Мышцы хотелось напрячь до предела, ударить сразу, пока он требует. Только щепки потом буду убирать я. Хлипкий стул едва держал подушки, и пришлось снова смотреть на него, чтобы не поддаться. «Не спеши», — парировал Глеб. После рыка Хмурого голос Глеба резанул холодно и сухо, как лезвие скальпеля: я уже тянулся ударить, а теперь замечал, насколько кулак ушёл от выбранной складки. От этой

поправки злился ещё сильнее. Оба знали, как надо, и оба командовали одной моей рукой. Я опять смотрел на складку подушки, стараясь удержать в ней точку удара. Я помнил, как Глеб выбирал точку через прицел, как вёл движение к ней, подстраиваясь к чужому сердцу. Сейчас сердца передо мной не было. От него я мог взять расчёт траектории — куда придёт кулак, если начну именно отсюда. Пальто отца теперь было всего лишь тёмным краем рядом со складкой. Мне это не понравилось: до сих пор я хотя бы помнил, на чём тренируюсь. «Стул, Глеб. Наш стул», — мысленно повторил я, удерживая его расчёт, но не позволяя забыть остальную гостиную. «Ты потеряешь фокус. Тело станет тяжелым. Ты будешь медленным».

Два эха тянули меня в разные стороны. Левая рука инстинктивно сжалась в кулак, костяшки побелели от усилия. Я разжал пальцы. Правая осталась в поддерживающей петле; попытаться потренировать её тоже хотелось, только шина никуда не делась. Рука ещё не слушалась, а мне уже хотелось обойтись с ней как со здоровой. Нет уж, с этой кистью сегодня работать не буду: левая хотя бы разжимается, сперва справлюсь с ней. Мышцы сводило судорогой, футболка липла к вспотевшей спине. Я смотрел на складку, а руку тянуло мимо неё. Такой удар придётся куда попало, и от силы Хмурого пользы будет меньше, чем шума. Стоило послушаться Хмурого, как кулак уже тянуло вперёд; поправка Глеба приходила следом, когда я почти начинал удар. На такой руке в клубе я бы промахнулся. Здесь пока мог разжать пальцы и начать заново.

Я закрыл глаза. За закрытыми веками осталась складка на подушке. Я пытался удержать её и хват одновременно, а голоса опять перебивали друг друга. Так я и до вечера буду стоять перед стулом.

— Заткнитесь оба, — прошептал я вслух. Голос дрогнул, но эха замолчали, удивленные моей грубостью.

Я раскрыл левый кулак и поставил стопы по обе стороны шва на линолеуме.

Я начал дышать. Вдох — четыре секунды. Задержка — семь секунд. Выдох — восемь секунд. Техника Глеба. Сердцебиение замедлялось. Кровь переставала шуметь в ушах. Когда шум в ушах утих, я снова различил складку подушки и край пальто рядом с ней. Раньше они мешались перед глазами, пока я слушал обоих. Теперь мог удержать одну складку, не переводя взгляда. Напряжение в запястье осталось; я прислушивался к нему, пытаюсь понять, в какой момент ладонь опять начнёт сжиматься сама.

А теперь Хмурый. В памяти Хмурого нашёл движение, которым он держал ребёнка над головой. Долго, до дрожи в спине; не отпускать, пока другие не примут. В этом движении он держал не одной рукой: упирался стопами, принимал вес спиной, не давал локтям разойтись. Я попробовал так же распределить усилие, без его тяжести над головой. Левая ладонь напряглась, а меня перестало тянуть к стулу всем корпусом.

Я смотрел на кулак и представлял ствол пушки: навёл, выстрелил. Только как выстрелить без звука и оставить стул целым? Пришлось самому отказаться от этой картинки, хотя Хмурому она понравилась бы. Пружина годилась лучше. Сжимать уже умел; теперь нужно было задержать её и отпустить не до конца, ровно на выбранную складку. Усилие в кулаке росло, а я всё ещё мог не выпускать его вперёд. За это ощущение и держался.

— Ты не бьешь, — сказал я себе. — Ты держишь воздух так, будто там шея врага. И смотришь сквозь препятствие.

Я подвёл левый кулак к подушке, выбрал складку для удара.

Я оставил кулак у выбранной складки и дождался, пока оба перестанут тащить руку в разные стороны. От Хмурого мне сейчас нужен был нажим, от Глеба — точка, в которую этот нажим придётся. Не весь их бой сразу.

Внутри головы внезапно щёлкнуло, как замок сейфа. Я успел удержать и нажим, и выбранную точку — до того, как один приказ сменился другим. Поправку уже не приходилось

догонять. Скрипнула ножка стула, и я услышал её сразу: вот сколько давления хватило, дальше добавлять пока не надо. Два голоса слились в один шепот.

Схватить.

Я сделал шаг вперед. Нога скользнула по линолеуму бесшумно; перенёс вес на переднюю стопу. Рука метнулась вперед коротко и резко; на этот раз я успевал следить, куда идёт кулак. Силы хотелось добавить сразу, продавить выбранную точку, как учил Хмурый. Но я тренировал остановку, а под тканью уже ждал своего удара стул. Левый кулак коснулся подушки. Старое ранение плеча не давало поднять локоть выше; я выбрал низкую точку и подступил ближе, вместо того чтобы тянуться. Я остановил замах на ткани. «Хватит разгона», — успел сказать себе, хотя Хмурый требовал пробить. Добавил только нажим, коротко, в выбранную Глебом точку. Кулак дошёл, ткань приняла его — вот здесь надо успеть остановиться. Не после треска. Тянуть нажим дальше всё ещё хотелось, и я следил за этой тягой, как только что следил за выбранной складкой. «Теперь отпустить», — успел подумать, пока ладонь ещё слушалась.

Подушка не слетела со стула. Она провалилась внутрь, сжавшись под кулаком. На ткани проступило углубление. Я всматривался в него, ожидая, что сейчас разойдётся шов, но ни нитки не порвалось. Наполнитель мягко шуршал под кулаком; ножки стула чуть скрипнули. На этот звук я и отнял руку. Подушка начала расправляться, а я всё ещё следил за стулом: раньше за таким движением летели щепки. Теперь он стоял на месте, и ловить его не понадобилось.

Я замер. Дыхание сбилось. Сердце колотилось где-то в горле; ровно дышать, как велел Глеб, не получалось. Ну и пусть, сейчас мне хотелось выдохнуть от радости, а не готовиться к следующему удару. Ладонь ныла от нажима, и я вдруг понял, что улыбаюсь — по-дурацки, в пустой квартире, стулу. Я ждал треска дерева, готовился ловить падающий стул — а подушка расправлялась на своём месте. Улыбка стала шире. «Цел. Ты цел, зараза», — чуть не сказал я стулу. И сам бы потом рассказал Диме, как радовался подушке, если бы не слишком хотелось похвастать чем-нибудь пострашнее. Вот этого я и добивался: суметь остановить руку, пока цела хотя бы домашняя мебель.

— Так вот как это работает, — выдохнул я.

Я разжал ладонь и провёл пальцем по целой ткани, проверяя вмятину.

Я всё ещё разглядывал вмятину, когда боль ударила в левое предплечье. Отшатнулся от стула — и потянуло правое плечо. Я столько смотрел на левую, что правую почти забыл. Пришлось вспомнить всё разом: ей достаточно моего рывка, бить даже не надо. Лучше бы радоваться удаче на месте, а не шараться от стула. Эхо Хмурого требовало продолжения: «Еще! Сильнее!». Эхо Глеба предупреждало: «Остановись. Ты теряешь координацию. Рука онемела». Я положил рабочую ладонь на спинку стула. Пока мог снять её сам.

Я посмотрел на свою руку. Пальцы были синеватыми, кончики побелели от спазма. Кожи не чувствовал: видел белые кончики, знал, что это мои пальцы, а по ощущению в руке была только тяжесть. Хотел разжать ладонь, но Хмурый всё ещё требовал держать. Сустав тянуло так, что я перестал думать о следующем ударе и ждал, когда удастся отпустить этот.

После такого нажима пальцы казались чужими. Бить ещё раз я не стал: сначала надо понять, сумею ли взять что-нибудь маленькое, а потом отпустить. В клубе света мне тоже никто не обещал.

Я выключил свет.

Гостиная погрузилась в темноту. От окна оставался узкий отсвет фонаря. С «Пульсом» контуры проступили яснее: стул, окно, дверной проем в коридор. Я обошёл мишень, не задев ножкой стула босую стопу. С такой точностью можно двигаться дальше, пока не понадобился свет.

Я взял со стола монету — пять рублей, старую, потертую. Подбросил её вверх. В домашней тишине звон металла показался мне колокольным. Я ещё не поймал монету, а уже прислу-

шивался, не отозвался ли кто-нибудь за стеной. Пять рублей уходили по дуге в темноту коридора; пришлось вернуться вниманием к ним, пока не упустил совсем.

Я следил за монетой, пока слабый отсвет не потерял её в коридоре. Я уже знал, куда она летит: дуга оставалась в памяти Глеба, и я успевал выставить ладонь до пола. Хмурый подталкивал сомкнуть пальцы. Рано ещё — хватать пустоту незачем. Выставил левую ладонь туда, где исчез металлический блик. Теперь не глазами ждать: если расчёт верный, холодный край я почувствую раньше, чем опять увижу монету. Только не хватай до этого, Хмурый.

Моя рука метнулась в темноту, туда, где я ещё удерживал дугу падения. Я не видел монеты и боялся услышать звон у ног. Пальцы сомкнулись вокруг чего-то твёрдого и холодного; я замер, не смея разжать их раньше, чем пойму, удержал ли.

Тишина.

Я выждал несколько секунд. Хотелось сразу выдохнуть: поймал! — но дыхание ещё шло ровно, по Глебову счёту. Я дождался конца этого длинного выдоха и проверил монету краем большого пальца. Холодная. Твёрдая. Пока она оставалась в руке, можно было не искать глазами, где упала. Теперь дойти до света и посмотреть — осторожно, не разжимая кулак по дороге.

Затем я включил свет здоровым локтем. В левой руке, сжатой в кулак, лежала монета. Поймал её на лету в полумраке, удержав в памяти траекторию. Развернул кулак к лампе: пять рублей, все царапины на месте. Холодный край давил на подушечку пальца. Я посмотрел на пустой пол там, куда она должна была упасть, и опять на ладонь. Я всё ещё не верил, что на полу искать нечего. Вот они, пять рублей, зажатые в ладони. В темноте сумел выставить её точно в нужном месте — не через мгновение после звона, а пока монета ещё падала. Расчёт Глеба я успел выполнить сам.

Поймал. Я ещё раз посмотрел на пять рублей и уже прикинул, что в следующий раз подброшу выше. Только сначала отпустить эту. Положить на стол, а не держать до судороги.

Я уже хотел положить монету обратно, а пальцы так и остались сомкнутыми. Попробовал разжать их ещё раз; мышцы стянуло в тугий узел. Монету удержал, теперь бы выпустить. Я смотрел на свой кулак и не мог сделать самое простое движение. Я дернулся, пытаюсь ослабить хватку о край стула, но рефлекс Хмурого сработали слишком быстро. Левый локоть ударил по стене. Монета осталась в кулаке; правую руку я даже не успел вынуть из петли.

От треска я перестал пытаться разжать пальцы. Так не звучал бы просто удар локтем; что-то сломалось у меня за спиной. Я слушал, как звук обрывается в пустой квартире, и боялся обернуться к стене.

Я отшатнулся назад и посмотрел туда, где только что стоял. При включённом свете паутина трещин на обоях была видна целиком. Я следил за ней взглядом до выбитого края: штукатурка сошла куском размером с ладонь и отлетела в коридор. Под ней серел бетон. Целый — я задержал на нём взгляд, проверяя, не пошли ли трещины глубже. От этого не стало легче: поверхностный слой я всё равно выбил собственным локтем.

Я уставился на повреждение. В животе похолодело; во рту стал вкус штукатурной пыли. Я даже не заметил, как ударил — между «хочу разжать» и дырой в стене не осталось ничего. На подушке сумел остановиться, а разжать пальцы после монеты — нет. Локоть ныл; штукатурка крошилась под ногой. Поставил кулак на спинку стула, дал Глебу вернуть дыхание и по одному расправил пальцы. Монета упала на пальто отца. Теперь урок кончился.

И главное — этот звук. Он мог быть слышен соседям. Или тем, кто наблюдал за домом снаружи.

Шаги за входной дверью.

За входной дверью повернулся ключ. Легкий стук замка я узнал сразу: мама добралась домой, и прятать стену оставалось столько времени, сколько ей нужно снять обувь. Затем послышался её голос.

— Леша? — позвала она из прихожей, удерживая пакеты коленом, пока снимала ботинок. — Что там упало?

Я услышал, как мама возится с ботинком, и перестал чувствовать боль в руке. Сейчас войдёт — а на стене дыра от моего локтя. Я обещал ей беречь себя, она поверила, оставила меня одного. И вот что я сделал, едва за ней закрылась дверь. Я оглянулся на стену: только бы не увидеть снова, как она сначала смотрит на повреждение, а потом на меня.

Я действовал быстрее, чем успел подумать. Эхо Хмурого дало скорость, эхо Глеба — точность движений.

На журнальном столике лежала старая смятая газета. Я схватил её левой рукой, прижал к дыре. Под газетой остался бетон. Бумага закрыла выбитую штукатурку, но нижний край отлипал: приходилось держать пальцами. В углу стояла банка акрила: мать собиралась переклеить обои весной. Я дотянулся до неё, прижал коленями, повернул крышку левой рукой. Окунул палец в белую массу. Из прихожей шуршали пакеты; мама ещё снимала обувь. Я размазал краску по газете и захватил обои вокруг дыры. Хотел свести белые края, а вышло ещё заметнее: сверху остался заголовок, снизу бумага отставала от стены. Прижал её большим пальцем. Если мама сейчас спросит, что я тут делаю, даже руку убрать не смогу — газета тут же отвиснет. За спиной открывалась дверь. Я успел только убрать руку и наступить на крошки штукатурки, прикрыв их пяткой.

Я отступил на шаг. Вдох получился шумным; пришлось закрыть рот, чтобы мама не услышала из прихожей. Ровный ритм «Пульса» никак не возвращался: с каждым её шагом сердце билось чаще, а эха торопили меня ещё что-нибудь сделать.

Дверь в гостиную открылась. Мать стояла на пороге, держа в руках пакет с продуктами. Я стоял перед заплаткой, и ей пришлось перевести взгляд с меня на стену. Пяткой всё ещё прикрывал штукатурку. Шагни мама ближе, надо будет уступить ей место — вместе с крошками под ногой.

Она задержала взгляд на газете. Я уже готов был сказать про локоть и тренировку. «Мам, я случайно...» — и что дальше? На такой след от локтя она прежде не смотрела. Я так и не произнёс этого «случайно». Слишком уж знакомое оправдание для слишком большой дыры. Краска пахла на всю гостиную, я сам не мог её не чувствовать. Мама потянет за мокрый край — что тогда? Сказать, что локоть тоже упал?

Но она лишь вздохнула, опустив пакет на пол. — Опять роняешь вещи, Леша? — спросила она устало, но без злобы. — Краска капнула. Потри тряпкой, пока не засохла. И убери эту газету, тут чернильные пятна.

Я дождался, пока мама договорит. Она говорила, как раньше, когда я что-нибудь разбивал дома, и на этом «опять» я почти обрадовался: будто всего лишь чашку уронил. Но смотрела-то внимательно. После склада ей мало моего «случайно», она ждёт, сумею ли хотя бы убрать за собой. Я смотрел ей в лицо. Стену объяснить пока не мог, а отвести глаза значило опять заставить её самой угадывать, что с сыном.

Она прошла мимо меня на кухню. Я остался с испачканным пальцем у газеты. «Сейчас вернётся», — подумал и не двинулся к кухне. Позовёт посмотреть поближе, а мне останется убрать бумагу и показать ей, что сделал. Сказать самому было бы проще, чем ждать. Пока не мог. Прижал отставший угол ещё раз. Газета держалась на краске и моём пальце; смотреть на неё было стыдно даже без мамы. Хуже всего было бы, если мама вернётся и увидит, как я опять прижимаю бумагу. Только что говорила про краску и пятна, дала мне убрать самому, а я всё ещё закрываю от неё дыру. Я смотрел на пальцы: убрать их страшно, держать здесь ещё глупее. Вместо её голоса донёсся звук чайника. Палец прилип к бумаге; отнимать пришлось осторожно, чтобы не унести с собой всю мою маскировку. На газете проступили чёрные буквы. Красиво к ужину уже не получится.

Я остался стоять посреди гостиной, глядя на своё отражение в зеркале комода. Глаза были красными, зрачки расширенными. В таком виде я сейчас выйду к маме за стол; глянет — и опять спросит, что со мной. Раскрыл левую ладонь, сжал снова — уже слабее. Монету ещё раз подбрасывать не стал. Теперь хотел повторить удачный нажим на подушку и остановиться до спазма.

Во время тренировки я наконец успел остановиться, а сейчас стоял у пробитой стены и боялся собственного локтя. Подушка под пальто расправилась, на полу лежала штукатурка. Я придвинул стул обратно к шву линолеума, поставил левую стопу так же, как перед удачным нажимом. Кулак больше не заносил — сейчас хватило поставить ногу и разжать пальцы вовремя.

В кармане куртки на стуле завибрировал телефон Димы. Я ещё не успел убрать ногу от шва, а уже потянулся к карману. Достал старый аппарат, повернул экран к себе: от синеватого света стало труднее разобрать первые слова, пришлось поднести ближе.

Сообщение от Димы: «Для той папки попробуй 14.08.2015. Знакомый возил Ратману подарки дочери, дата её рождения. С приглашением завтра поможет другой человек. По телефону не обсуждай». Я прочёл второй раз. Для окна пароля на NMUR_09 у меня наконец были цифры. Я всмотрелся в дату: не угаданные на ходу, их принёс Дима от человека, который знал семью капитана. Хотелось тут же проверить, откроется ли папка.

Я перечитал запрет обсуждать по телефону. Хотелось ответить Диме сразу, попросить объяснить, кто будет помогать с приглашением. Хмурый уже требовал проверить подъезд: не стоит ли там кто-нибудь, пока я разглядываю экран. Глеб торопил подключиться к сети. До двери и до ноутбука оставалось несколько шагов. Я держал палец над кнопкой: ещё одно слово Диме — и придётся обсуждать именно то, чего он просил не обсуждать. Уже злился на обоих в голове. Сначала закончить с рукой; папка и подъезд останутся на своих местах.

Я выдохнул, положил телефон экраном вниз и снова разжал рабочую руку. На ладони ещё виднелся след монеты. Я провёл по нему большим пальцем и посмотрел на подушку: расправилась, хотя минуту назад я боялся продавить её вместе со стулом. Этот нажим я успел удержать. Рука дрожала, и пробовать снова сейчас хотелось только из упрямства — вернуть то мгновение, когда подушка осталась целой. Но после него я уже выбил штукатурку. «Хватит», — сказал я себе. С ударом получилось остановиться; теперь требовалось послушаться самому, без всей этой силы. Просто не подбрасывать монету ещё раз. До чего же обидно было остановить тренировку из-за пяти рублей, когда подушка наконец осталась целой. Целая подушка всё ещё радовала, хоть рядом на полу была штукатурка. На неё и посмотрел: вот чем закончилась удача, стоило попытаться выпустить монету. После удара разжать руку нужно мне, не Глебу вместо меня. Он не всегда успеет отговорить Хмурого. А если рядом будет человек, закрывать газетой окажется нечего. Я ещё раз оставил пальцы раскрытыми, не возвращая кулак ради той первой удачи.

Пароль мог не подойти, но цифры теперь лежали в сообщении, никуда не денутся. Из кухни мама позвала ужинать; я снял палец с кнопки телефона. Я уже готовил своё «сейчас», с которым можно ещё полчаса сидеть перед экраном. Мама ведь позвала есть, не пароль проверить. Дима написал цифры, а не срок, к которому я обязан их ввести. Проверю после еды — и узнаю, что Хмурый держал под именем капитана.

Глава 4

Ужин под прицелом

Я прижал газетный край к стене ещё раз. За спиной звякнули тарелки: мама накрывала на стол.

Я подошёл к кухне с открытой банкой в левой руке. В гостиной всё ещё белела газета. Хотел поправить её до ужина, а лишь размочил: под пальцем бумага уже начинала расходиться, и буквы лезли через каждый новый мазок. Посмотрел на правую кисть в шине. Там тоже была краска. Даже не заметил, когда задел, хотя обещал маме эту руку не трогать. Теперь объяснять придётся ещё и пятно.

Мама вышла из кухни. Остановилась между мной и столом.

Глеб поймал движение в дверном проёме, и на миг я увидел маму так, будто надо считать расстояние до неё. Я стиснул зубы. Она всего лишь протягивала ладонь за банкой. Я держал её перед собой слишком высоко, и мама ждала, когда отдам, чтобы краска не оказалась ещё и на полу. Опустил банку сам, медленно, глядя на её руку. За её спиной остывал суп. Я поставил краску на газету у стены и показал чистую левую ладонь.

Мама посмотрела на мою ладонь, потом на правую манжету. Влажные волосы выбились из-под капюшона; она успела умыться после улицы. Я задержал взгляд на этих прядях: пока я пачкал стену, мама тащила домой продукты, а теперь ей ещё разбираться с моей краской. Я задвинул банку подальше от её тапка. Она увидела заплатку в гостиной и вдохнула через нос.

— Пахнет краской, — сказала она тихо, с хрипотцой. Я прислушался: сейчас спросит, зачем красить обои, и придётся отвечать, а не прятаться за её усталостью.

Её взгляд задержался на открытой банке у стены. Я тоже посмотрел туда: крышку-то так и не закрутил.

Я отодвинул банку. Пальцы подрагивали; провёл ими по газете, очищая от краски, и остановился: сейчас порву и эту.

— Обои отклеились, — я заслонил заплатку плечом, оставляя правую руку в петле. Мама выглянула из-за меня. Газета на обоях лежала заголовком вверх. — Хотел сделать красиво к ужину.

Мама прошла мимо, поставила на стол пакеты — там звенели банки с тушенкой, шуршали мятые пачки крупы. Я вымыл левую руку, не намочив повязки, вернулся к столу. Она расставила две миски. Нож лежал на хлебной доске ручкой к её стулу.

От моего места за столом заплатку можно было не видеть. Мама же, когда сядет напротив, будет смотреть прямо на неё. Оставалось ждать вопроса. Мы оба видели газету на стене. Она — ещё и мои глаза, которые менялись, когда я держал «Пульс». Что творилось у меня в голове, мама не слышала; зато каждое движение замечала без всякого эха. Я отодвинул миску подальше от правой руки, и она проследила за этим взглядом.

Она села напротив, положив руки на стол. Я посмотрел на её коротко стриженные ногти и сухие пальцы: этими руками она сегодня держала мою повязку, а сейчас собиралась кормить меня ужином. Я отодвинул миску, когда она подтянула хлебную доску; места нам обоим наконец хватило.

— Ты ел? — мама придвинула ко мне хлебную доску, оставляя нож у себя.

— Нет, — я положил левую ладонь возле тарелки и выждал, пока перестанет подрагивать.

— Тогда садись. Я буду резать хлеб.

Она подтянула хлебную доску, положив батон поперёк. Я потянулся помочь, но мама успела придвинуть его к себе, ещё до того, как моя ладонь легла на стол. Смотрела не на лезвие, а на мои пальцы. Пришлось оставить их возле миски и дожидаться своего куска; даже здесь я пока только мешал ей делать обычное дело.

Она взяла нож с деревянной ручкой, прижала батон к доске и начала резать. Я следил за лезвием, хотя много лет ел нарезанный ею хлеб и до сегодняшнего дня ни разу не думал, как близко оно проходит к пальцам. Глеб принялся оценивать её движения. *Скорость реза недостаточна для эффективной нейтрализации цели. Риск пореза пальцев высокий.* Захотелось заслонить от него хотя бы мамину руку. Она режет хлеб, придурок. Для меня. Я мысленно послал его к черту и посмотрел на батон, дожидаясь своего куска.

Мы начали ужинать. После каждого движения ложки я ждал, что мама всё-таки спросит про стену. Она ела молча; мне от этого хотелось объясниться ещё сильнее, но признание застревало, стоило посмотреть на её руки. За окном зажглись фонари. Между ними я различал мокрый асфальт, пока в кухню не ударили фары. На миг перестал видеть маму напротив, потом свет ушёл в сторону. Я посмотрел вслед: чёрный внедорожник с тонированными стёклами ехал вдоль дома. У нашего подъезда сбавил ход. Я ждал, что сейчас остановится, и пытался разглядеть салон, но за тёмным стеклом никого не было видно. Машина продолжала ехать, а левая рука уже метнулась к вилке. Поднял её над тарелкой, прежде чем понял, где машина и где я. Отсюда до неё — двор и стекло. Пальцы свело судорогой «Железной хватки»; ручка вилки изогнулась. Опустил кулак на стол, почувствовал, как под костяшками поддается дерево, и ослабил нажим.

Глеб в голове рычал: *Цель! Бей!* Хмурый шептал: *Не трогай мать. Защищай дом.* Я удержал стопы под стулом. Если встану сейчас, мама окажется между мной и окном.

Я посмотрел на маму. Она положила свой нож рядом с тарелкой и посмотрела мне прямо в глаза. Я ждал, что она отодвинется от моего кулака, а она оставалась рядом, заставляя меня наконец посмотреть на неё, а не на шторы.

— Они здесь, — я опустил погнутую вилку к тарелке, не отрывая взгляда от шторы. Голос звучал чужо, низко, с хрипотцой.

— Кто они? — Она дотянулась до спинки моего стула. Я почувствовал её пальцы у плеча и остался сидеть: для этого ей даже не пришлось тянуть меня назад.

— Те, кому нужен этот склад. Те, кто знает про Хмурого.

Я указал подбородком на окно и снова посмотрел на неё.

Мама взяла кусок хлеба и откусила. Пока она жевала, я успел снова взглянуть на штору и обратно на неё. Она собиралась ответить; я узнавал эту паузу и старался не перебить.

— Если придут плохие люди, — произнесла она, глядя на меня, а не на окно, — я скажу, что тебя нет. Что ты уехал к тетке в деревню. Что у тебя авария на работе.

Она переложила хлеб на мою тарелку, не вставая к окну. Крошки прилипли к её пальцу, она стряхнула их рядом с моим куском — всё ещё занятая ужином, пока я слушал машину снаружи. Я не сразу опустил глаза к тарелке. Хотелось велеть ей уйти из кухни, а она сама только что решила, что будет делать, если к нам придут.

Я слушал и всё меньше хотел рассказывать ей про склад. Мама говорила о тётке так, будто мне опять десять и она объясняет учителю, куда делся сын. Придвинул её стул подальше от окна, стараясь не скрипнуть ножками. Если полезут в квартиру, сначала придётся пройти через меня.

— Они не поверят, — сказал я.

Я накрыл ладонью край её рукава: до двери ей идти не дам.

— Поверят, если им проще будет поверить, — ответила мама. — Скажу, что уехал. Пусть ищут там, а не здесь.

Она протянула руку и накрыла мою ладонь своей. Её ладонь согрела мои пальцы. Я боялся пошевелиться под ней — ещё задену, сожму сильнее, чем нужно. Подождал, пока дрожь утихнет, и только тогда позволил себе выдохнуть.

— Леша. Посмотри на меня.

Я поднял глаза.

— Ты стал сильнее, чтобы нас больше не могли обидеть. Так? — Мать придержала мою ладонь и развернула её вверх, проверяя пальцы.

— Да.

Я повернул ладонь под её рукой, оставив пальцы раскрытыми.

— Тогда научись прятать эту силу. Даже от себя. Даже за столом.

Она отодвинула стакан с ложками подальше от моей руки. Стекло чуть скрипнуло по скатерти, и я услышал это раньше, чем мотор за окном. Мама не торопила: смотрела на согнутую вилку, ждала, когда отпущу. Разжать пальцы при ней оказалось труднее, чем перед стулом. Перед стулом я мог попробовать ещё раз, если не получилось. Здесь мама смотрела на меня, и я не хотел, чтобы ей пришлось просить дважды.

Она забрала у меня вилку, ручку которой я согнул. Разжал пальцы по одному; мать дождалась, прежде чем потянуть. Положила её рядом со стаканом с ложками. Звон стекла вернул мне звуки кухни: чайник, нож по доске, её дыхание. Я взял другую вилку. Эта дошла до тарелки прямой.

Внедорожник за окном затормозил у соседнего подъезда. Свет фар снова ударил в окно. На столе блеснул недопитый чай; я увидел мамину руку возле хлеба и опять захотел увести её в комнату. Только она ещё не закончила есть. Я посмотрел на выключатель: хотя бы освещать нас с улицы больше не будут.

Я использовал «Пульс», удержал ровное дыхание и встал сбоку от окна. Верхний свет погасил левой рукой, штору дотянул за край. С улицы кухня больше не светила; у мойки осталась маленькая лампа, спрятанная простенком. Вернулся к стулу. У людей в машине могли быть приборы, которых я не знал. Подставлять им лицо в светлом окне не собирался.

Мама продолжала есть. Спокойно, методично. Когда мотор у соседнего подъезда стих, она придвинула хлеб под маленькую лампу, чтобы я мог взять, не вставая. Я отломил кусок. Снаружи ждали; у нас ужин ещё не закончился.

Через десять минут машина уехала. Я вслушивался в удаляющийся мотор, пока уже не мог отличить его от остальных машин. Ждал, не станет ли звук снова ближе. С улицы доносился дождь, и мне наконец захотелось повернуться от окна к своей миске. Я выдохнул и перестал прислушиваться к мотору. Теперь слышал собственное сердце; ровное дыхание сбилось, голову повело. Пришлось задержаться на стуле, пока кухня перестала плыть перед глазами.

— Доешь суп, — сказала мама, убирая свою пустую миску. — Потом будешь мыть посуду. Руки должны работать, пока голова отдыхает.

Я кивнул и вернулся к супу. Мама уже занялась посудой, а мне ещё надо было доесть, прежде чем вставать вслед за ней. У раковины взял тарелку левой рукой. Правая кисть оставалась в шине; стоило попытаться поднести её к краю, как вспомнилось пятно краски. Оставил руку у себя. Мама смывала пену, пока я удерживал посуду за край. На мокром фаянсе пальцы соскальзывали; я усиливал нажим на долю секунды и отпускал. Поворачивал тарелку под водой, и каждый раз проверял край под пальцами. Хотелось перехватить крепче, чтобы не уронить. После вилки я уже знал, чем кончится это «крепче», и заставлял себя отпускать прежде, чем кисть сведёт. Отдал маме целую тарелку, взял следующую. С этой тоже получилось; я дождался, пока она её ополоснёт, и только тогда поверил, что справляюсь.

Когда посуда была вымыта, я вытер левую руку и вернулся на кухню. Мама ушла в свою комнату, оставив лампу гореть. Достал из-под дощечки HMUR_09. На её потёртом корпусе

оставался знакомый след; я провёл по нему большим пальцем и положил флешку рядом с ноутбуком.

Закрытая папка лежала на той самой флешке, которую я унёс от Хмурого. Открыл её до окна пароля; проверил сообщение Димы. В этой папке могла быть следующая остановка Ратмана — место, куда не нужно тащить винтовку через весь город.

На экране выделил название: *RATMAN_PERSONAL*. Под ним мигала пустая строка пароля.

Я задержал пальцы над клавиатурой. В названии папки стояла фамилия капитана. До сих пор я искал человека, который сдавал детей; теперь его личные файлы лежали передо мной, и мне не хотелось снова получить вместо него пустую папку или чужой след.

Я посмотрел на код из сообщения Димы. Дата рождения дочери Ратмана. Кто-то возил ей подарки, пока её отец отправлял чужих детей в машины. Проверил цифры. Хмурый ворочался в ладони, но кнопку я нажму сам.

14.08.2015.

Я набрал цифры. Курсор моргнул. Папка открылась.

Первый файл был видео. Я запустил его.

На экране появилась картинка ночного клуба. Сквозь дым я различал яркие неоновые вывески; музыка хрипела в микрофоне записи и мешала разобрать голоса. Но на мужчину в центре кадра смотрел, уже не слушая. Дорогой костюм, бокал шампанского. Ратман смеялся. Я задержался на его расслабленном, самодовольном лице: вот как он проводил вечер, когда никого не приходилось загонять в машины. Хотелось дожидаться, когда он перестанет улыбаться, посмотрит хотя бы за спину. Капитан продолжал смеяться, а я всматривался в запись, ища, кто позволяет ему чувствовать себя здесь таким неуязвимым.

За его спиной охрана пропускала людей, мелькали девушки. Я возвращал запись назад, стараясь рассмотреть самого капитана среди гостей. Когда он поднял руку, я задержал кадр. На предплечье Ратмана, которое он обнажил, закатывая рукав, виднелась татуировка. Не клана «Северный Меридиан». Крыло шторма. «Буревестник». Я приблизился к экрану, проверяя рисунок: союзник «Северного Меридиана» носил чужую метку, и на случайный узор это списать не получалось.

В папке рядом с видео лежало приглашение: завтрашний день, 22:00, клуб «Неон». Я проверил дату ролика: старый. Приглашение звало в тот же клуб завтра, и я вернулся к нему, уже не путая запись с предстоящим вечером. Адрес совпадал с тем, что Дима нарисовал на карте слепых зон. Я сохранил приглашение на своём телефоне, затем вернул кадр с закатанным рукавом. Крыло шторма. Задержал этот кадр, чтобы потом не искать нужную секунду среди гостей.

Я закрыл крышку ноутбука. Щелчок получился громким. Я оставил левую ладонь на крышке и прислушался к маминой комнате: не позовёт ли она узнать, что я опять уронил. Лампа отражалась на чёрном пластике, но я продолжал разглядывать его, вспоминая руку Ратмана с татуировкой. Закрыл — и только теперь сообразил, что нужная секунда осталась в записи. Нужно сохранить кадр до того, как понесу приглашение Диме. Я поторопился закрыть ноутбук; придётся открыть снова.

Хмурый и Глеб замолчали. Я ждал подсказки, как привык за сегодняшний день. Ни один не заговорил, и я поймал себя на том, что всё ещё держу ладонь на закрытом ноутбуке. Адрес есть, час есть, а сидеть здесь до завтрашних двадцати двух бессмысленно. Сначала осмотр, как обещал Полине. Потом Дима с его картой. Я посмотрел на левую ладонь и правую кисть в шине. Ожог оставался под повязкой, плечо тянуло. Левый локоть всё ещё ныл от стены.

Я встал и подошёл к окну. Дождь перестал стучать, машины внизу стало слышнее. Прислушался: вдруг тот внедорожник только объехал дом и вернулся. Я уже прикидывал дорогу в «Неон», а кухню ещё недавно пришлось затемнять. Нельзя завтра выскочить из подъезда с

мыслями об одном капитане и не посмотреть, кто ждёт снаружи. Неоновые огни клуба всё ещё стояли перед глазами, хотя за стеклом был наш двор. Между ними я опять видел капитана с бокалом — человека, который решил судьбу моего отца и многих других. Завтра предстоит искать его среди этих огней. Сейчас нужно рассмотреть свой двор.

Я коснулся стекла левым пальцем. Затем отступил, не оставив лицо напротив окна. Завтра в двадцать два капитан будет в этой ложе, только живой. Я уже знал лицо и место; нужно добраться незамеченным.

— Завтра будет жарко, — прошептал я.

Я отвёл ладонь от стекла и повернулся к столу.

Телефон хранил разговор с Полиной: утром медик, вход со двора, без оружия. Поставил будильник на семь, второй — на семь десять. Сегодня проспал и свалился у ванной. Завтра мне нужна эта рука до вечера, и обещание матери больше не истекать молча у неё на полу я помнил.

После осмотра — к Диме. За гостевой картой, чистым снаряжением и способом пройти в «Неон». Винтовку оставлю дома: на схеме друг отметил дверь, а не место, откуда удобно расстрелять клуб.

Я развернулся, взял со стола телефон Димы — старый, кирпичоподобный аппарат с предоплатной сим-картой. Этот кирпич не хотелось сжимать в левой ладони: после погнутой вилки я держал его осторожно, не хватаясь крепче только потому, что боялся уронить. Набрал номер друга.

— Алло? — в трубке шуршала постель, затем скрипнула кровать.

Дима взял телефон ближе: дыхание стало громче. Голос был сонным, испуганным.

— Проснись, — сказал я. — Нам нужно снаряжение. Чистое. Без следов. И маршрут к «Неону», который не видят камеры Реестра.

Я прижал телефон к левому уху, правый локоть оставляя у груди.

Пауза. Тяжелое дыхание.

— Леш... это самоубийство. — В трубке щёлкнула зажигалка; Дима затянулся и закашлялся, не закончив выдох.

Я дождался, пока прокашляется. Палец уже держал край приглашения, чтобы подвинуть к схеме, а Дима всё ещё сидел у себя с зажигалкой и понимал про завтрашний вечер больше, чем мне хотелось слышать. Прижал телефон ближе: сейчас было важно, что он не повесил трубку.

— Это ужин, — я подвинул приглашение рядом со схемой. — Приходи. Принеси еду. Мы будем есть перед тем, как начнем стрелять.

Дима отодвинул телефон, выдохнул; когда вернул его к уху, я услышал шорох пальцев по корпусу.

— К тебе после патруля? Утром в гараж. Пиджак захвати.

Я левой рукой открыл шкаф, снял пиджак за ворот и положил на стул.

— Буду после осмотра.

Он положил трубку.

Я сбросил вызов. Экран телефона погас. Я улыбнулся: Дима ворчал, курил, называл затею самоубийством, но всё-таки ждал меня утром в гараже. В разговоре он сам назначил место — мне не пришлось вытягивать согласие. Открыл ноутбук снова. На экране остался капитан с бокалом; сохранил кадр с лицом и второй — с татуировкой. Флешку вынул, спрятал под дощечку. Телефон Димы лёг рядом с пиджаком. Если Ратман ждал парня с винтовкой со склада, ему придётся поискать ещё. Я принесу гостевую карту — и руку, которая сегодня впервые остановилась на ткани.

На приглашении стояло чужое имя. Список гостей уже ушёл охране. Дима обещал вход; успеет ли он вписать меня до того, как капитан поднимется в свою ложу?

Глава 5

Маска богатея

Я расправил пиджак на коленях левой ладонью, и зацепка на локте разошлась белой ниткой. Дима присел рядом, понюхал рукав и отодвинулся. Правую кисть я держал у груди: под перчаткой позже придётся скрыть шину. Утром медик, к которому направила Полина, проверил рану в плече и поправил крепления. На моё «к вечеру смогу?» показал шину: снять — не значит починить. Я оставил её на руке. Работать сегодня будет левая. В гараже пахло потом и машинным маслом; мой единственный костюм ухитрился пахнуть ещё и школьным выпускным. В этом я собирался войти в «Неон», забрать телефон Ратмана и вернуться с тем, что капитан прятал о рейдах отца. Для начала требовалось, чтобы меня приняли за человека, которому там рады.

— Ты не пройдёшь фейсконтроль, Лёш, — Дима крутил в пальцах зажигалку, щелкая крышкой так громко, что у меня заныло под ложечкой. — «Неон» проверяет всех по базе Реестра. Твое лицо там висит как «проблемный элемент». Грим скроет лицо, но если поведут на полный скан — считывают сетчатку и ауру. А ты сейчас сидишь так, будто ждёшь, когда этот пиджак полезет тебя душить.

Я посмотрел на свои руки. Ожог тянулся по предплечью, а под рубашкой ныла повязка на правом плече. Кожу стянуло так, что я боялся лишний раз шевельнуть рукой. Смотреть на неё тоже не хотелось: перед входом в клуб придётся забыть хотя бы про то, как она выглядит. Хмурый в голове ворчал, требуя найти выход через стену, а не через дверь. Глеб молчал, сосредоточенно замеряя пульс моего сердца: сто двадцать ударов. Я переставил левую руку на колено, чтобы Дима не заметил дрожи.

— У тебя есть план? — я придержал расплывающуюся нитку ногтем. Ответ мне заранее не нравился.

Дима спрятал зажигалку в карман и достал телефон. На экране светилось фото какого-то жирного мужика в золотых часах. — Есть человек. Сдаёт люкс в аренду. И пропуска... делает. Если правильно спросить. Но это стоит денег. Много денег. Таких, которых у нас нет, даже если продать твою куртку и мои кроссовки.

Дима повернул телефон ко мне, но пальцы с края не убрал. Экран оставался между нами; Дима ждал, пока я сам спрошу о цене. Мне хотелось, чтобы он просто помог, как раньше. Ему, похоже, надоело вытаскивать меня за дружеское спасибо. Долю придётся оговаривать сейчас, пока мы оба ещё сидим в гараже. Вчера эти же пальцы растирали плечо, за которое я его держал. Сегодня он всё-таки открыл гараж и присел рядом. Деньги были проще того разговора — их хотя бы можно вернуть.

— Сколько? — я отпустил нитку и положил ладонь на экран, оставив видимыми часы незнакомца.

— Тридцать тысяч. — Дима убрал мой палец с фотографии. — Плюс процент с того, что ты там найдёшь. Если найдёшь.

Я усмехнулся. Процент он хотел сейчас, когда даже неизвестно, доберусь ли я до телефона. Посмотрел на Диму: тот ждал ответа, и улыбкой от него не отделаться. Он давал мне свои деньги, а рисковать ими за одно спасибо больше не собирался. — Если я найду Ратмана, ты получишь все контакты его поставщиков ядер. — Я поднял взгляд с телефона на Диму. — Это стоит больше тридцати штук. Но если я не вернусь, ты никогда не узнаешь об этом.

Он откинулся на пятки. Зажигалка больше не щёлкала.

— Весёлое предложение. Давай ещё срок возврата: после твоих похорон.

Я подцепил пиджак за ворот, сел ровнее. Правое плечо тут же напомнило, что торговаться нужно левой.

— Деньги всё равно на мне. Контакты сверху. Остальные файлы мои.

— Если завтра ты придёшь просить ещё тридцать, я тебя этим пиджаком задушю. — Дима сунул телефон в карман и протянул руку к ключам. — Предупреждаю заранее, чтоб без обид.

Дима поднялся первым, протянул мне руку у левого локтя. — Идем. — Он подхватил ключи и дождался, пока я поднимусь, не потянул за больное плечо. — Но сначала — грим. И одежда.

Поездка в бутик секонд-хенда на окраине промзоны была похожа на поездку в ад, только вместо огня здесь пахло нафталином и чужими ошибками. Владелец, сутулый старик с глазами водянистыми, как кисель, сразу узнал Диму.

— Опять ты, мелкий бес? — проскрипел он, не поднимая головы от журнала. — В прошлый раз ты украл у меня пуговицы.

— В прошлый раз я купил вам кофе, — Дима придержал ладонью карман, куда сунул деньги. Голос дрогнул. Старик помнил всякий неоплаченный шов и мог потребовать за него прямо сейчас, когда нам деваться некуда. Дима ждал, пока он оторвётся от журнала.

— Для нас — тридцать процентов скидки. Или уходим. — Дима придержал дверь носком кроссовка; старик наконец отложил журнал.

— В прошлый раз ты тоже уходил. — Старик поставил карандаш поперёк журнала, перекрыв строчку. — Через час вернулся за пуговицами.

— Видите, постоянный клиент. — Дима вынул ногу из двери и придвинулся к вешалкам.

Старик ткнул карандашом в гору серых пиджаков. Карандаш короткий, весь обгрызенный. Я подумал, что за скидку он сейчас сначала выест нам мозг, и только потом возьмёт деньги.

Мы рылись в горах тряпок. Я искал то, что могло бы скрыть ожог и шину на правой руке. Нашел чёрные кожаные перчатки до локтя и задержался перед зеркалом с ними в руках. Хотелось верить, что можно просто закрыть всё это кожей и больше о руке не думать. Правую взял на размер больше, чтобы натянуть поверх крепления, не сдвигая его. Пальцы внутри не заставлял сгибаться. Они были дорогими, но Дима заплатил наличными, и старик взял деньги без вопросов.

Серый костюм оказался чуть великоват. Я посмотрел на себя в зеркало, попробовал расправить плечи. Крой держался даже на мне, и впервые за вечер я подумал, что, может, Дима зря хоронит мой фейсконтроль. Пиджак сидел на плечах свободно, давая место для движений. Под ним можно было спрятать нож. Небольшой стилет, который помещался в рукаве. Я несколько раз согнул левый локоть перед зеркалом, затем осторожно подвёл правый ближе к груди, проверяя, не тянет ли плечо. На третьем сгибе поморщился: повязка под рубашкой потянула кожу. В зеркале это движение выглядело хуже, чем я надеялся. Самому казалось — только чуть отвёл локоть, а парень напротив берёт руку так старательно, что на неё хотелось смотреть. Старик тут же потянулся за пиджаком подороже.

— Этот свободнее.

Дима прижал найденный к моей груди раньше, чем старик успел снять другой с вешалки. Я уже почти согласился примерить и его: если заплатить ещё, вдруг удастся выглядеть здоровым. Дима пресёк эту надежду вместе с новой покупкой.

— Нам этот. Он в нём танцевать не будет.

Я посмотрел на него в зеркале. Дима ответил таким взглядом, что спорить о танцах не стал. Перчатки убрали ожог с чужих глаз, пиджак скрыл повязку. Личную карту Реестра с

буквой Е я оставил глубоко в кошельке: покажи её у «Неона», и дорогой крой станет просто удобной одеждой для обыска.

Мы вышли оттуда, когда солнце уже садилось. Я задержался у двери, привыкая после тесноты магазина к вечернему воздуху. В новом пиджаке плечо тянуло меньше, но стоило вспомнить про сканер «Неона», и хотелось вернуться к зеркалу ещё раз. Дима уже шёл дальше. Я догнал его: в зеркале пропуск не проверишь.

Квартира Димы была безопасной точкой, но тесной. В ванной комнате я смотрел в зеркало и проверял пустые карманы, пока Дима раскладывал вещи у раковины. Стилет он ещё не принёс, а в зеркале стоял парень из спального района, вылетевший со второго курса. Правой рукой парень не мог нормально достать затылок. Я опустил её и дождался, когда Дима закончит возиться.

Хмурый бился внутри, требуя защиты. *Ты уязвим*, шептал он. *Они видят твою слабость*. Глеб удерживал счёт дыхания. *Выдох. Ещё раз*. Я опустил левую ладонь с раковины, не толкнув стеклянный стакан.

Я пошёл к двери так, как ходил обычно: поскорее занять место, где никто не видит. Дима не пропустил. Пришлось остановиться возле его плеча, не попросить отойти. Я посмотрел на косяк за ним, подождал. Друг сдвинулся, а я прошёл мимо медленно. Развернулся за дверью и тем же шагом вернулся к зеркалу. Богатому сынку здесь должны уступать дорогу. Сегодня эту привычку придётся носить вместе с костюмом.

Я расправил плечи, изменил осанку. Правая рука в шине лежала возле живота; я дал левой свободно опуститься вдоль пиджака. Я представлял, как захожу в клуб и жду перед сканером. Охранник назовёт имя, а мне нужно ответить, не переспрашивая. «Артём Волков», — повторил я своему отражению. Выговорить оказалось легко; поверить, что зовут меня, — гораздо труднее. Фамилия была случайной, выбранной Димой из списка клиентов автосалона. Пропуск подделан через контакт Димы в сервисе аренды авто. Там же был и гример — старый знакомый, который помогал делать документы для тех, кто хотел казаться кем-то другим.

Перед зеркалом снова прижал больную руку к боку, проверяя бинт. Дима прислонился к косяку, дождался, пока я перестану смотреть на своё плечо. С таким движением я сам предложу охраннику повод задержать меня.

Я достал тональный крем. Светлый, почти белый. Начал замазывать шрам на предплечье. Перчатки закрывали предплечье, но стоило согнуть руку, между кожаными краем и манжетой открывалась розовая полоска ожога. Крем лег плохо, пятнами. Я смотрел на розовую полоску: теперь её хотелось рассмотреть ещё внимательнее, чтобы понять, чем это я испачкался. Дима тоже смотрел туда. Замазать не получилось, только привлёк внимание.

— Не поможет, — Дима встал между мной и дверью, и мне пришлось остановиться. — Ты всё время руку бережёшь. Богатые так берегут часы. Попробуй думать, что на тебе дорогие часы, а не бинт.

Я повёл плечом. Боль прошла до локтя, и Дима услышал, как я втянул воздух.

— Забыть боль не получится, — он сдвинулся с дороги. — Не показывай её каждому встречному. Сядешь — пусть он подождёт, пока тебе удобно. Тебя зовут — не беги. Я тебе тридцать тысяч не на то занял, чтобы ты перед охранником обосрался.

Я закрыл глаза. Глубокий вдох. Пульс замедлился. Глеб вел меня. Раз, два, три. Выдох. Четыре, пять, шесть. Когда я открыл глаза, перестал разглядывать бинт под пиджаком. Смотрел себе в лицо. Взгляд стал пустым. Холодным. Таким, каким он был, когда я ломал левую кисть надсмотрщику Ефиму.

Я задержал этот взгляд в зеркале. Дима перестал говорить и первым отвёл глаза. Пришлось улыбнуться, чтобы он снова увидел меня.

— Вот этот кусок оставь, — он постучал ногтем по зеркалу рядом с моим отражением. — Только мне так больше не смотри.

За картой вернулись в сервис. Пока её печатали, знакомый Димы провёл меня в соседнюю комнату к гримёру. Тот закрыл покраснения у глаз, изменил линию бровей и пригладил волосы. Я сидел под его пальцами, стараясь не дёргаться: даже когда в лицо суют кисточку, надо изображать человека, которому за неё платят. В зеркале оказался чужой уставший парень. Свою руку он всё равно держал у груди.

Пропуск получился через час. Знакомый Димы, тот самый из сервиса, оказался бывшим сослуживцем Ратмана. Я показал ему фотографию накладной из открытой папки Хмурого на своём телефоне. Флешка осталась дома рядом с винтовкой. Мужчина побледнел, прочитав подпись Ратмана. Я погасил экран прежде, чем он потянулся к нему.

— Вы знаете, на что идете? — спросил он тихо, передавая пластиковую карту с голограммой льва. — Ратман убьёт вас обоих. Медленно.

— Он убьёт меня быстрее, — я забрал карту из его пальцев и не дал придержать её за край. — А вы боитесь его больше, чем уважаете. Потому что если бы уважали, вы бы сдали нас прямо сейчас.

Контакт опустил ладони на стол по обе стороны пустого места. Карта была у меня, он больше не пытался её вернуть. На накладную больше не смотрел. С Ратманом у него было что вспомнить, и я только что принёс эту подпись в его комнату. Дима отсчитал тридцать тысяч, которые успел занять. Костюм и перчатки обошлись отдельно; я видел, как он выгреб последние купюры из второго кармана. Мужчина из сервиса за наличные взялся охотнее, чем за разговор. Я дождался, пока он уберёт деньги: платить картой мы не собирались, оставлять ему наши имена — тоже. Сигаретный запах вьёлся в комнату, а мужчина всё ещё смотрел туда, где только что была накладная.

Я мог назвать себя Артёмом Волковым и предъявить карту на это имя. Костюм уже не стыдно было показать охране, а перчатки скрывали руку. Оставалось самому не испортить то, на что Дима потратил столько возни и денег. Я повертел карту между пальцами: голограмма льва менялась на свету, а моё чужое имя оставалось прежним. За этот кусочек пластика Дима только что отдал занятия тридцать тысяч. Убрал его под пиджак и задержал ладонь на кармане, будто там могло найтись что-нибудь ещё. Пустота в руках, где должно было быть оружие, осталась.

Мы вернулись к Диме. Я положил стилет на стол, завернул лезвие в полоску плотной ткани. Дима придержал мой левый рукав, сунул нож рукоятью к манжете и закрепил ткань выше запястья. Острие осталось закрытым, рукоять лежала у манжеты. Я чувствовал каждый миллиметр металла. Для «Железной хватки» нужно было оставить пальцы свободными. Если я достану нож, я потеряю преимущество в скорости удара рукой. Но если не достану, я буду беззащитен перед теми, кто носит дробовики.

Я опустил руки, повернулся боком. Дима потрогал рукав, не нашёл выступающего конца и кивнул. Пока он проверял ткань снаружи, я пробовал опустить левое плечо: металл чувствовался под рукавом, но ладонь оставалась свободной. Друг задержал пальцы у манжеты. Я дождался, пока уберёт, и только тогда развернулся к столу — ещё раз, уже без его помощи. Нож в рукаве. Левая ладонь свободна, правая спрятана вместе с шиной.

На столе лежала схема «Неона», которую Дима дал вчера, и переписанное мной приглашение на двадцать два. Я ещё раз проследил ногтем путь от лож к пожарной площадке. На вход шли через главный: гостевую карту должны были подтвердить администратору. Через кухню уходили. Перепутать эти два маршрута значило прийти к Ратману в мешке для мусора.

Мать позвонила, когда я уже надевал пиджак. Экран телефона засветился именем «Мама». Сердце екнуло. Я смотрел на её имя, пока телефон звонил: сейчас скажу «мам», и придётся отвечать, где я. Дима ждал рядом. Я принял вызов. Первое «алло» чуть не вышло шёпотом; пришлось заговорить громче, как из дома, а не из чужой ванной перед поездкой к Ратману.

— Алло, Лёша? Почему ты не дома? Уже вечер. Я приготовила борщ. — На другом конце звякнула крышка кастрюли, её поставили на что-то твёрдое, и мамин голос стал ближе.

— Задерживаюсь, мам. — Я встал спиной к зеркалу, чтобы не видеть наряженного себя. — Дела. Университет. Нужно подготовить отчет.

Слово «отчет» прозвучало так старательно, что я сам себе не поверил. Мама вздохнула. Я ждал вопроса, какого ещё отчёта, и уже подбирал ответ; она помолчала и заговорила о другом. От этого стало хуже, чем если бы отругала. — Будь осторожен. Тебе нельзя нервничать. Эти твои... синяки... они не проходят.

— Всё нормально, мам. Правда. — Я зажал телефон между щекой и воротником, левой ладонью коснулся повязки. Под рубашкой бинт был сухой.

Я сбросил вызов и ещё постоял с телефоном возле уха. Мама попросила не нервничать, а я только что соврал ей про университет, из которого давно вылетел. На столе тёплым прямоугольником лежала схема чужого клуба. Под ней Дима оставил пятитысячную — на дорогу и крайний случай. Я забрал деньги, выключил обычный аппарат и убрал во внутренний карман куртки. Кнопочный Димин взял отдельно. Когда вернусь, включу свой и позвоню ей, даже если она будет спать. На кухню теперь шёл не только за борщом.

Такси остановилось у поворота рядом с главным входом клуба «Неон». Ночь была влажной, воздух пах озоном и дорогим парфюмом, смешанным с запахом пота толпы.

Водитель, лысый мужик с глазами, привыкшими читать чужие кошельки, обернулся. — Куда? — водитель оставил ладонь на руле, второй рукой потянулся к кнопкам у двери.

— Останови здесь. — Я взялся за ручку, но она не поддалась.

Он не тронулся. Посмотрел на меня в зеркало заднего вида. — Парень, тут не сажают. Тут забирают VIP. Или ты хочешь, чтобы я тебя высадил, или плати за ожидание. Камеры кругом.

Таксист держал дверь закрытой. В зеркале дрогнули огни подъехавшей машины, водитель посмотрел на них, потом на мои перчатки. Если я сейчас начну выдирать ручку, весь вечер закончится у бордюра, не дойдя до Ратмана. Пришлось вспомнить, ради кого Дима мучил меня перед зеркалом.

Я повернулся к нему. Медленно. Изменил угол взгляда. Глеб вел меня. Я смотрел не на водителя, а сквозь него, на точку за его головой.

— Ты ошибаешься, — я отпустил ручку и подался вперёд ровно настолько, чтобы водитель увидел лицо в зеркале. Голос звучал чужим, низким, с хрипотцой, которую я имитировал весь вечер. — Меня ждут. Если я опоздаю, ты будешь иметь дело не с полицией, а с людьми, для которых твоя машина — это просто кусок железа, который они могут расплавить вместе с тобой.

Водитель сглотнул. Его кадык дернулся. Правая ладонь замерла у кнопок; он уже не смотрел на подъехавшую машину. Я остался наклонённым вперёд, не вернул руку к дверной ручке. Пусть сам откроет. Под перчаткой левая ладонь взмокла, и мне пришлось оставить пальцы на колене: хвататься за ручку теперь было бы всё равно что попросить. В зеркале его глаза прошли по моему лицу, по перчатке у колена и остановились на губах: ждал, не скажу ли ещё что-нибудь. Я молчал, пока он не сдвинул большой палец к кнопке.

— Извини, шеф. Дверь открыта. — Водитель убрал глаза с зеркала и большим пальцем нажал кнопку разблокировки дверей. Я услышал щелчок и всё ещё секунду смотрел в зеркало. Открыл. Он действительно открыл, а я уже успел представить, как он запирает меня и зовёт

полицию. Теперь требовалось спокойно расплатиться, не выскакивать из машины, будто меня отпустили.

Я отсчитал оговорённую сумму из пятитысячной и дождался сдачи. Водитель вернул её без прежнего разговора про ожидание. Я вышел. Дождь моросил, капли стекали по воротнику пиджака. Я поправил манжеты, убедившись, что шрам полностью скрыт. Достал пропуск. Пластик был теплым от руки.

Перед входом в клуб стояла очередь. Громкая музыка выплескивалась наружу, вибрируя в костях. Охрана сканировала пропуски. Один за одним. Люди проходили мимо планшета, и считыватель либо пищал с зелёным огоньком, либо мигал красным. Последних задерживали отдельно, просили повернуться к объективу.

Я подошел к очереди. Сердце колотилось, и собственный пульс мешал услышать, что говорят у сканера. Хмурый требовал защиты; я уже смотрел, куда отойти от охранника. Глеб возвращал меня к дыханию. До сих пор всё проходило, стоило только удержаться от спешки. Я решил дать ему эти несколько секунд.

Я закрыл глаза на секунду, чтобы хотя бы не смотреть на красный огонёк чужого отказа. Пока вызывают следующего, мне нужно справиться со своими руками. Хмурый заставлял пальцы сомкнуться, Глеб требовал удержать дыхание. Я ослабил нажим на пластик, выдохнул. Карта осталась прямой. Так её и протяну.

Когда я открыл глаза, охранник уже протянул руку за пропуском. — Артём Волков? — спросил он, скучая.

— Да. — Я положил карту в протянутую ладонь и оставил свои руки на виду.

Сканер завис. Красный индикатор мигнул. Охранник поднял взгляд. Его лицо стало напряженным. — Что-то не читается. Система сбоит. Или ты не тот, кем притворяешься.

Глава 6

От его «притворяешься» левая ладонь сама захотела сжаться. Так уже бывало перед ударом, и меньше всего мне сейчас требовалось повторить это перед сканером. Я улыбнулся охраннику, насколько позволяли губы: пусть отвечает за свою технику, а не разбирается с моими кулаками.

— Может, вызовем администратора? — я указал на рацию у его воротника, не отступая от считывателя. — Я плачу за VIP-доступ. Мне не нравится тратить время на технические ошибки. Тем более, если они стоят мне нервов.

Охранник колебался. Его взгляд задержался на перчатках, прошёл по пиджаку и вернулся к моему лицу. Я едва удержался от желания объяснить, что карту мне только сегодня выдали. Богачу незачем оправдывать чужой сканер. Стоял и ждал администратора, как будто охранник мог зря потратить моё время, но не решить, пускать меня или нет. Наконец он потянулся к рации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.